

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ СТУДЕНТОВ
И МАГИСТРАНТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
20-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. К. АММОСОВА

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СТУДЕНТОВ И МАГИСТРАНТОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 20-ЛЕТИЮ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. К. АММОСОВА**

Редактор-составитель: М. П. Ефимова

ISBN 978-5-00118-620-5

© Оформление. ООО «Бук», 2020

УДК 34(063)
ББК 67
С23

Научный редактор и составитель:

Ефимова Мария Прометеевна, старший преподаватель
(Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова)

Статьи публикуются в авторской редакции.
Мнение редколлегии может не совпадать с мнением автора.

С23

Сборник научных трудов студентов и магистрантов, посвященный 20-летию юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова / Северо-Восточный федер. ун-т им. М. К. Аммосова ; под ред. М. П. Ефимовой. — Казань : Бук, 2020. — 84 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-00118-620-5.

Сборник отражает результаты научных исследований магистрантов и студентов по актуальным вопросам юридической науки.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, школьников, а также для широкого круга читателей.

УДК 34(063)
ББК 67

СУЩНОСТЬ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Васильева Алина Максимовна

Научный руководитель: Оглезнева Т. Н., к.и.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Процедура медиации предполагает урегулирование спора исходя из интересов сторон, а потому медиативное соглашение может выходить за предмет первоначальных требований и зачастую будет лишь косвенным образом связано со спорным правоотношением. Более того, стороны примирительной процедуры не ограничены в способах урегулирования спора. Сам алгоритм медиации ориентирован на поиск нетипичных решений. Это обуславливает сложности, связанные с юридической квалификацией условий медиативного соглашения. В процедуре медиации учитываются как правовые, так и иные основания спора, соответственно, соглашение конструируется с учетом всех возможных аспектов и может включать юридически не значимые, но важные для сторон условия.

Предметом медиативного соглашения является то, по поводу чего возник спор; субъектами — участники спорного правоотношения; содержанием — обязательства, которые принимают на себя стороны в целях урегулирования разногласия. Следует отметить, что содержание медиативного соглашения во многом зависит от избранной модели медиации, так как правила проведения процедуры определяют ее итог.

Наиболее распространенная точка зрения по проблеме правовой природы результата примирительной процедуры заключается в следующем: необходимо разграничивать медиативное соглашение, заключенное в рамках частной медиации, с одной стороны, и в судебной медиации, с другой. Первое рассматривается в качестве сделки, второе приравнивается к мировому соглашению [1]. Данный подход реализован и в Федеральном законе № 193-ФЗ [2]. Так, в праве многих зарубежных стран соглашения, заключенные в рамках частной медиации, рассматриваются как договоры гражданско-правового характера, на которые распространяются общие требования материального законодательства о двусторонних сделках и, в частности, о мировой сделке [3]. Что касается соглашений, заключенных по результатам судебной медиации, то здесь возможно несколько вариантов, в частности, такие соглашения:

- 1) расцениваются в качестве гражданско-правовой сделки (преимущественно в странах общего права); в этом случае основанием для прекращения производства по делу будет являться, например, направленное в суд уведомление о заключении медиативного соглашения (Канада, Онтарио);
- 2) приравниваются к судебному решению (например, в Словении);
- 3) рассматриваются в качестве судебного мирового соглашения процессуальной природы. Соответственно, такое соглашение подлежит судебному утверждению и только после этого приобретает юридическую силу (например, в Финляндии, Румынии).

Предложенный в Федеральном законе № 193-ФЗ подход представляется весьма противоречивым по следующим причинам. Во-первых, медиативное соглашение, заключенное в частной медиации, не следует сводить к гражданско-правовой сделке, так как это существенно сужает сферу применения медиации, оставляя открытыми вопросы сущности соглашений, заключенных по результатам семейной медиации, медиации по трудовым, публично-правовым и другим спорам. Выработанный сторонами вариант урегулирования спора не всегда может «вписаться» в юридическую конструкцию новации, отступного или иного способа изменения и (или) прекращения гражданско-правового обязательства. В этом смысле можно положительно оценивать диспозитивность нормы части 4 статьи 12 Федерального закона № 193-ФЗ, в соответствии

с которой к медиативному соглашению по возникшему из гражданских правоотношений спору могут (ноне должны) применяться правила гражданского законодательства об отступном, новации, прощении долга, зачете встречного однородного требования, возмещении вреда [4]. Пределы свободы сторон при заключении медиативного соглашения могут ограничиваться лишь императивными нормами права (что особенно актуально при проведении примирительных процедур по спорам из семейных, трудовых, публичных правоотношений). Таким образом, медиативное соглашение в большинстве случаев будет содержать обязательства различной правовой природы и в этом смысле носить комплексный характер.

Представляется, что медиативное соглашение, заключенное по результатам судебной медиации, не следует приравнивать к мировому соглашению. Здесь необходимо отметить, что в российской юридической доктрине, несмотря на исследованность проблематики правовой природы мирового соглашения, данный вопрос остается дискуссионным. Некоторые авторы, опираясь на труды дореволюционных ученых, придерживаются материально-правовой концепции, согласно которой мировое соглашение является гражданско-правовой сделкой. Другие, развивая процессуальную теорию, впервые предложенную Р. Е. Гукасяном [5], рассматривают мировое соглашение в качестве института процессуального права, а заключение мирового соглашения относят к распорядительным процессуальным действиям участников судопроизводства. Третья группа авторов предлагает различать мировую сделку как материально-правовой институт и мировое соглашение как институт процессуальный. С. В. Лазарев обосновывает межотраслевую природу мирового соглашения [6]. Наиболее убедительной представляется позиция тех ученых, которые рассматривают мировое соглашение как особого рода института с двойственной правовой природой, как юридический факт одновременно материального и процессуального права [7]. Несмотря на отличия в подходах к пониманию правовой природы, исследователи сходятся во мнении, что мировое соглашение приобретает правовое значение только после его утверждения судом. В свою очередь, заключение медиативного соглашения может иметь материально-правовые и процессуально-правовые последствия и без утверждения его судом

Один из наиболее проблемных вопросов касается последствий заключения медиативного соглашения и неисполнения достигнутых договоренностей в добровольном порядке.

В настоящее время согласно части 4 статьи 12 Федерального закона № 193-ФЗ медиативное соглашение, заключенное по результатам частной медиации, рассматривается в качестве юридического факта материального права, с которым связывается установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. На практике в случаях, когда один из участников откажется исполнять достигнутые договоренности, такое правило может привести к негативным последствиям в виде злоупотребления правами недобросовестными участниками медиации. Так, при нарушении одной из сторон примирительной процедуры договорных обязательств, вытекающих из медиативного соглашения, вторая сторона будет нуждаться в защите своих прав и интересов. Согласно части 4 статьи 12 Федерального закона № 193-ФЗ такая защита может осуществляться лишь способами, предусмотренными гражданским законодательством. Вообще, отсутствие такого механизма как принудительное исполнение соотносится с идеей медиации. Успешное проведение примирительной процедуры заключается в том, что стороны вырабатывают решение, которое полностью отвечает их интересам. Как следствие, его добровольное исполнение выгодно всем участникам спора. Если одна из сторон отказывается исполнить медиативное соглашение, это означает, что цели медиации не достигнуты. К сожалению, на практике такие ситуации возникают достаточно часто. И из-за этого 26.07.2019 года были внесены изменения, по которому стороны заключившие медиативное соглашение в порядке частной медиации, т.е без передачи спора в суд, могут нотариально удостоверить его. В этом случае, соглашение будет иметь силу исполнительного документа. Это представляет собой «упрощенный» вариант исполнения договора (без необходимости обраще-

ния в суд, получения судебного решения и только затем исполнительного листа). Значимость принудительного исполнения такого рода соглашений подчеркивается в международных актах. Так, разработчики Типового закона ЮНСИТРАЛ отмечают, что благодаря режиму ускоренного приведения в исполнение мирового соглашения увеличится привлекательность согласительной процедуры. Таким образом принудительного исполнения медиативного соглашения служит гарантией соблюдения прав и законных интересов добросовестных участников примирительной процедуры, а также придает некую целостность и завершенность институту медиации.

Таким образом, медиативное соглашение, заключенное в частной медиации, предлагается рассматривать в качестве юридического факта материального права, влекущего возникновение, изменение или прекращение правоотношений сторон. При этом, учитывая тот факт, что такое соглашение, как правило, будет содержать условия различной правовой природы, представляется возможным говорить о его комплексном характере. Условия такого соглашения не должны противоречить нравственности, императивным нормам права, затрагивать права лиц, не присутствовавших на медиации. Обеспечение соблюдения данных требований при заключении соглашения является профессиональной обязанностью медиатора. По общему правилу медиативное соглашение должно исполняться добровольно. В то же время в целях обеспечения прав добросовестных участников примирительной процедуры видится необходимым предусмотреть упрощенный порядок приведения такого соглашения в исполнение, например, нотариальное удостоверение медиативного соглашения и признание за ним исполнительной силы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019)
2. Договорное право... / Под ред. М. А. Рожковой. — С. 421.
3. Учеб.-практич. комментарий / Б. Гонгало, А. Грядов, К. Криев-Семитко, С. Крохалев, Е. Кузнецов, И. Медведев, В. Ярков. — М.: Проспект, 2008. — С. 654–655.
4. Каменков Виктор Сергеевич Медиативное соглашение: правовая природа и значение // Журнал российского права. 2015. № 8 (224).
5. Гукасян Р. Е. Проблемы интереса в советском гражданском процессуальном праве. — Саратов: Приволжское книжное издательство. — С. 190.
6. Лазарев С. В. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2006. — С. 11.
7. Гражданский процесс: Учебник / Д. Б. Абушенко, В. П. Воложанин, С. К. Загайнова и др. / Под ред. В. В. Яркова. — 6-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2004. — С. 282.

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Винокурова Яна Семеновна, Уварова Ольга Юрьевна

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Высокая степень интегрированности права на благоприятную окружающую среду с иными правами, в частности, с такими неотъемлемыми правами каждого человека, как право на жизнь, право на охрану здоровья, предусмотренными Конституцией Российской Федерации, определена необходимостью обеспечения и реализации экологических прав, посредством которых обеспечивается возможность каждого человека проживать в условиях благоприятной окружающей среды.

К сожалению, отсутствие должного обеспечения экологических прав граждан, к числу которых относится право на благоприятную окружающую среду, право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и право на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением, влечет недовольство со стороны субъектов, которые не способны получить адекватной защиты своих прав.

Среди причин сказанного можно выделить несколько.

В первую очередь, это трудности, с которыми сталкиваются граждане при реализации экологических прав, обусловленные проблемами установления причинно-следственной связи между совершенным деянием и причиненными последствиями лицу, также зачастую граждане неспособны самостоятельно установить и собрать доказательства в подтверждение нарушения своих естественных и неотчуждаемых прав. И, наконец, пассивность субъектов права в отстаивании своих социальных притязаний на проживание в условиях благоприятной окружающей среды, негативно сказываются на соблюдении и обеспечении экологических прав.

Необходимость решения не только экологических проблем, но и обеспечения экологических прав граждан, сегодня, выступает первоочередной задачей любого правового государства. Учитывая, что вопросы взаимоотношения человека и природы, нравственного отношения к окружающей среде остро стоят в условиях нарастающих экологических проблем, их решение невозможно без сформированного эколого-правового сознания. Очевидно, что высокий уровень и качество жизни зависит от самих граждан, в первую очередь, от их правового сознания, поэтому в настоящей статье мы уделим некоторое внимание анализу эколого-правового сознания.

Под правосознанием обычно понимают чувство законности, побуждающее к соблюдению норм права [7, с. 292–293]. Говоря о состоянии эколого-правового сознания в обществе, следует подчеркнуть, что важную роль в формировании этого феномена играет воздействие норм экологического права на правосознание граждан [2, с. 44].

Обеспечение экологических прав граждан зависит и от их отношения к системе экологического права, и от соблюдения последними установленных предписаний. В этой связи зачастую можно констатировать, встречающиеся среди современного российского общества, тенденции правового нигилизма и инфантилизма как проявления недостаточно сформированного правового сознания. Под эколого-правовым инфантилизмом мы понимаем не только несформированность правового сознания, которая характеризуется недостатком юридических знаний и отсутствием явно выраженных правовых установок, но и недостаточную экологизированность уже сформированного правосознания [5, с. 79–80].

Под правовым нигилизмом мы считаем необходимо понимать сознательное негативное отношение человека к праву, выражающееся в отрицании (полном либо частичном) его ценно-

сти для общества в целом и каждого члена в отдельности, оправдываемом убеждением в объективной неспособности права выполнять роль действенного социального регулятора [6, с. 46].

Пренебрегая нормами экологического права, современное российское общество проявляет низкий уровень правосознания, ввиду чего обеспечение экологических прав граждан сдерживается правовым нигилизмом и правовым инфантилизмом. Многие, в угоду своим корыстным интересам, даже не задумываясь о необходимости соблюдения природоохранных норм, не думают об обеспечении права на благоприятную окружающую среду, которое необходимо для естественного и нормального проживания людей в обществе.

По мнению Н. А. Шеяфетдиновой, проблема заключается не только в неизбежном для всякой молодой отрасли несовершенстве эколого-правовых норм и недостатках системы их реализации, но и в неготовности массового сознания к их адекватному восприятию и успешному усвоению [8, с. 16]. Также указанный выше автор справедливо считает, что «экологизированным можно считать правосознание, в котором отсутствуют противоречия между правовой действительностью и экологической ориентированностью личности» [9, с. 198].

А. Ю. Хворостов, например, считает, что «экологическое воспитание имеет важнейшее значение для выработки необходимого уровня правосознания, понимания смысла законов об охране окружающей среды, важности их правильного и своевременного применения. Ведь правосознание формируется и развивается не под влиянием общих экологических представлений, а в ходе усвоения норм права, значит должна развиваться способность граждан анализировать экологическое законодательство, находить в нем недостатки и предлагать способы его дальнейшего совершенствования [4, с. 10–11].

Общеизвестно и не подлежит сомнению, что, к сожалению, современное российское общество характеризуется и низким уровнем экологической культуры. Показательным является неспособность реализовать свои экологические права и, в тоже время, исполнять экологические обязанности. Уровень экологической культуры напрямую зависит от отношения к праву, от образованности людей, проживающих в обществе.

Реализация конституционного права на благоприятную окружающую среду и конституционной обязанности каждого по сохранению природы и окружающей среды в целях обеспечения экологической безопасности, как важнейшей государственной задачи, требует высокой экологической культуры граждан, которая, по мнению М. Г. Баумовой, является «эффективным механизмом воспитания экологического правосознания» [1, с. 18].

Однако учитывая, что уровень эколого-правового сознания и экологической культуры граждан продолжает оставаться достаточно низким, отсюда неизбежность несоблюдения последними эколого-правовых предписаний. Возникает вопрос, почему остается очевидным неэффективность действующих в государстве нормативных предписаний эколого-правового характера, почему не обеспечиваются естественные и неотчуждаемые, принадлежащие каждому от рождения, экологические права? Решить эти вопросы возможно путем повышения уровня эколого-правового сознания населения и экологической культуры. Более того, мы считаем, что четко сформулированная эколого-правовая политика, направленная на достижение цели — благоприятного состояния окружающей среды, выступает первоочередным фактором, способным повлиять на эффективность деятельности общества и государства, от которых зависит обеспечение и реализация экологических прав граждан [3, с. 23].

Таким образом, подводя краткий итог всему вышеизложенному, следует отметить, что для решения экологических проблем, для гармонизации отношений общества и природы, для обеспечения экологических прав и понимания каждым необходимости равновесия между удовлетворением собственных потребностей и теми последствиями, которые окажут эти действия на состояние окружающей среды в будущем, весомую роль играет необходимость повышения уровня эколого-правового сознания граждан, а также формирование в обществе эколого-правовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баумова М. Г. Функции правовой культуры: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Нижний Новгород — 2005. С. 54.
2. Буркин Д. О. Правовое образование в механизме формирования эколого-правовой культуры. автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Краснодар, 2014. С. 149.
3. Жочкина И. Н., Ключкова А. В. Государственное экологическое управление на региональном уровне. Экологическое право — 2017 — № 2. С. 38.
4. Игнатова В. А. Экологическая культура: грани постижения // Формирование экологической культуры учащихся: проблемы и перспективы. Материалы 125 межрегиональной научно-практической конференции. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 1999. С. 64.
5. Коробова Л. Н. Глобальные экологические проблемы как отражение уровня эколого-правовой культуры // Культурная доминанта в условиях глобализации мира. Материалы IX научно-практической конференции Ростовского филиала СГА. Ростов-наДону: СГУ, 2006. С. 73.
6. Соколов Н. Я. Правовое воспитание в современном российском обществе [Текст]. — Москва: Проспект, 2015. — С. 124.
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1911. С. 98.
8. Шеяфетдинова Н. А. Правосознание в механизме обеспечения экологической безопасности: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Москва, 2003. С. 14.
9. Шеяфетдинова Н. А. Эколого-правовая культура и экологизированное правосознание // Права граждан, правоохранительная и правоприменительная деятельность в России и Украине: состояние и перспективы развития. Материалы международно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и магистров. Ч. 2. — Белгород: Белгород. юрид. ин-т МВД России, 2003. — С. 198.

ПОЗИТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Габышева Туйара Романовна

Научный руководитель: Маякунов А. Э., к.фил.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Как известно, позитивная юридическая ответственность в юридической литературе вызывает достаточное количество диспутов, в частности, по поводу того, что же в целом следует подразумевать под данным понятием и является ли оно юридическим по своей природе, если позитивной юридической ответственностью затрагивается непосредственно морально-нравственные аспекты, понимание индивидом последствий совершения или несовершения определенных действий. Так, обобщая в целом понимание позитивной юридической ответственности, Д. А. Липинский определил данное явление как обязанность соблюдать предписания, требования правовых норм, то есть обязанность действовать правомерно, в соответ-

ствии с требованиями по соблюдению правовых норм [3, 38]. При этом необходимым условием является осознание индивидом как правовых норм, так и своих обязанностей, что в последующем находит выражение в его правомерном поведении (из чего и следует позитивное свойство такой ответственности).

Относительно индивидов, являющихся кандидатами в присяжные заседатели, стоит отметить, что данные лица не могут быть подвержены ответственности как таковой, поскольку законом не предусмотрены санкции за неявку в суд указанных лиц для последующего формирования из их числа коллегии присяжных заседателей. Стоит при этом отметить, что частью 3 статьи 333 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] определяется возможность наложения ответственности на присяжного заседателя за неявку в суд без уважительной причины, однако в данном случае подразумевается, что присяжный заседатель не является кандидатом в присяжные заседатели, а является уже «избранным» по результатам подготовительной части судебного заседания кандидатом, включенным в коллегию присяжных заседателей. При этом в норме, предусмотренной частью 2 статьи 2 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [2], непосредственно указывается на то, что участие в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели является гражданским долгом. И поскольку из указанного усматривается некоторое противоречие ввиду отсутствия санкции существует необходимость внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, закрепив обязанность явки кандидатов в суд юридической ответственностью в традиционном ее понимании — ретроспективной юридической ответственностью.

В целом затрагивая сферу правосознания граждан в ее связи с позитивной юридической ответственностью стоит отметить, что без развитого уровня правосознания потенциальность позитивной юридической ответственности не способна должным образом проявить себя на практике, вследствие чего не будет обеспечен надлежащий уровень явки граждан по вызову в суд с целью последующего формирования коллегии присяжных заседателей. Принимая во внимание тесную взаимосвязь между развитым гражданским обществом, являющимся одним из обязательных критериев функционирования правового государства, и институтом суда присяжных как наиболее эффективным инструментом влияния гражданского общества на судебную власть, позитивная юридическая ответственность свидетельствует о том, насколько у потенциального присяжного заседателя развито правосознание, уровень правовой культуры и отношение к жизни общества и государства в целом, что также имеет непосредственную взаимосвязь с тем, насколько гражданин ответственно подходит к исполнению своего гражданского долга.

Однако же учитывая, что поскольку обеспечение явки кандидатов в суд в настоящее время обеспечивается только позитивной юридической ответственностью, а иначе говоря — правосознанием индивидов, получивших извещение о явке в суд для их последующего участия в отправлении правосудия в случае избрания в коллегию присяжных заседателей, закрепление юридической ответственности в ее ретроспективном аспекте по отношению к кандидатам в присяжные заседатели, надлежащим образом не оповестивших исполнительно-распорядительный орган муниципального образования об исключении их из списков кандидатов в присяжные заседатели (как то усматривает закон) и в последующем уклонившихся от явки в суд, надлежащим образом бы оформило институт суда присяжных в качестве основательного, устойчивого и обязательного института права в российской системе правосудия в условиях демократизации общества и действительно функционирующего правового государства, и по своей сути не исключает проявления позитивной юридической ответственности в отношении лиц, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 24.12.2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921; 30.12.2019. N 52 (часть I). Ст. 7818.
2. Федеральный закон от 20.08.2004 N 113-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 23.08.2004. N 34. Ст. 3528; 07.10.2019. N 40. Ст. 5488.
3. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. — С. 37–51.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ С УЧЕТОМ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Григорьева Туйара Геннадьевна

Научный руководитель: Левочки В. В., к.ю.н., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Конституцией Российской Федерации закреплено право каждого гражданина иметь в собственности имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом единолично, и совместно с другими лицами. Основным законом также гарантировано право человека на жилище и его неприкосновенность [1]. В жизни человека жилище является одним из важнейших материальных условий, также как пища, вода, одежда. С развитием жилищно-правовых отношений и продолжающимся процессом становления собственника недвижимости в России, развивается понимание собственниками своей роли в управлении своей недвижимостью. И хотя договор управления многоквартирным домом имеет относительно недолгую историю законодательного регламентирования и впервые появился в Жилищном кодексе Российской Федерации в 2004 году, его правовое регулирование претерпело многочисленные изменения. Связано это с постоянно совершенствуемой практикой реализации указанных гражданско-правовых отношений. Рассмотрим правовую характеристику договорных отношений, связанных с управлением многоквартирным домом, в свете последних изменений.

Сущность данного договора определена в ч. 2 ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ): По договору управления многоквартирным домом одна сторона (управляющая организация) по заданию другой стороны (собственников помещений и иных правомочных органов управления домом), в течение согласованного в договоре срока за плату обязуется выполнять работы и (или) оказывать услуги по управлению многоквартирным домом, оказывать услуги и выполнять работы по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества в этом доме, предоставлять коммунальные услуги собственникам помещений в этом доме и пользующимся помещениями в этом доме лицам, осуществлять иную направленную на достижение целей управления многоквартирным домом деятельность [2].

Вместе с тем, в научной литературе высказывались предложения о необходимости корректировки законодательного определения рассматриваемого договора. Так, Н. А. Долгова, из-

учив обозначенную в законе цель указанного договора и ее соотношение сущности и содержанию возникающих гражданско-правовых отношений, пришла к выводу, что фактически по договору осуществляется не столько управление многоквартирным домом, сколько управление общим имуществом этого дома, а цели последнего — значительно уже. В этой связи ему предлагается заменить законодательную формулировку названия этого договора на «договор управления общим имуществом многоквартирного дома». Основным аргументом в обоснование своего предложения она указывает то, что целью управления многоквартирным домом (далее — МКД) является «обеспечение благоприятных и безопасных условий проживания граждан, формирование среды обитания, при которой складывается состояние защищенности жизненно важных потребностей человека», а ее достижение невозможно усилиями собственников данного дома [8, 9–10]. Соглашаясь в целом с определенной автором целью договора, считаем все же, что реализация названной цели возможна в случае предоставления управляющей организацией соответствующих услуг и работ пусть не усилиями, но по волеизъявлению собственников. Например, если собственники помещений на общем собрании изъявляют желание установить на общедомовой территории видеонаблюдение или шлагбаум для ограничения проезда и парковки посторонних автомашин, а затем делегируют свои полномочия по их установке и обслуживанию управляющей организации в рамках заключенного договора управления. Разве в таком случае это невозможно и не обеспечивается в какой-то мере защищенная и благоприятная среда обитания? Поэтому считаем, что изменение наименования договора в вышеуказанных целях не является необходимым.

В соответствии с нормативным определением, одной стороной договора управления является управляющая организация. Обязательным требованием является наличие у этой организации лицензии на осуществление деятельности по управлению МКД.

В законе содержится обязанность выбора собственниками помещений в МКД на общем собрании одного из следующих способов управления:

- 1) непосредственное управление собственниками помещений. Такой способ возможен в случае, если общее количество квартир в доме не превышает тридцати;
- 2) управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом либо иным специализированным потребительским кооперативом;
- 3) управление управляющей организацией.

Соответственно способу управления в качестве второй стороны договора могут выступать:

- непосредственно собственники помещений в МКД, в том числе лицо, принявшее от застройщика помещения в данном доме по передаточным документам;
- орган управления (то есть правление) товарищества собственников жилья либо жилищного кооператива либо специализированного потребительского кооператива;
- застройщик — кратковременно, только до заключения между лицом, получившим помещение, и отобранной по конкурсу управляющей организацией договора управления.

Обычно общим собранием собственники помещений, являющиеся жильцами, выбирают управляющую компанию, но договор заключается с каждым из них на условиях, содержащихся в решении данного общего собрания. Обладающие более чем 50% голосов от общего числа голосов собственники выступают как одна сторона заключаемого договора.

Иная ситуация складывается, когда собственники на общем собрании выбирают способом управления МКД товарищество собственников жилья (далее — ТСЖ) или жилищный кооператив (далее — ЖК) или иной специализированный потребительский кооператив (далее — СПК). В таком случае договор управления заключается с органами управления — правлениями такого ТСЖ, ЖК или СПК подписывается их председателями.

Стороной договора управления может быть непосредственно лицо, принявшее от застройщика в эксплуатацию помещения в данном доме. Порядок указан в ч. 13 ст. 161 ЖК РФ. Вначале органом местного самоуправления в течение двадцати дней со дня выдачи разрешения

на ввод в эксплуатацию дома, должно быть размещено извещение о проведении открытого конкурса по отбору управляющей организации в сети Интернет. В течение сорока дней после этого проводится открытый конкурс. И в срок десять дней обязательно уведомляются все лица, принявшие от застройщика помещения в данном доме для того, чтобы они могли заключить договор управления. Если ими договор не будет заключен в течение двух месяцев, то он будет считаться заключенным.

До заключения такого договора, управление МКД осуществляется управляющей организацией, с которой заключает договор застройщик, на него такая обязанность возлагается законом. Поэтому, пусть и непродолжительное время, застройщик может также выступать стороной договора управления.

Изменение способа управления МКД является основанием для истребования от другой управляющей организации полученных от собственников денежных средств, документации на дом, иного имущества дома. Приведем пример из судебной практики. Ответчик осуществлял управление МКД на основании соответствующего договора. Коммунальные платежи (в том числе плату за содержание и ремонт жилых помещений, а также за услуги и работы по управлению МКД, содержанию, текущему ремонту общего имущества в МКД) собственники вносили на расчетный счет ответчика. Впоследствии решением общего собрания собственников помещений был изменен способ управления данным домом, а именно вместо УК выбрано ТСЖ. За период передачи управления в несколько месяцев УК продолжала сбор средств за содержание и текущий ремонт, но никаких работ не проводило. Арбитражный суд в своем постановлении обязал передать эти денежные средства истцу, признав их неосновательным обогащением после прекращения действия договора [6].

Закон предусматривает две формы заключения договора: письменную или электронную с использованием системы. Но в обоих случаях он заключается путем составления одного документа, подписанного сторонами.

Федеральным законом от 26.07.2019 г. № 214-ФЗ дополнены положения, регламентирующие права и обязанности собственника помещений: он самостоятельно исполняет обязанности по договору управления многоквартирным домом; на нем лежит обязанность по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги; он не отвечает по обязательствам других собственников помещений в данном доме [3]. Данное дополнение закрепляет соответствующую обязанность собственника помещения и призвано упростить процесс возврата просроченной задолженности.

В п. 3 ст. 162 ЖК РФ определены существенные условия договора управления многоквартирным домом. Рассмотрим их подробнее.

Первым таким условием является предмет договора. Им является состав общего имущества дома, его адрес и площадь. Перечень общего имущества МКД определен в ст. 36 ЖК РФ и к нему относятся принадлежащие собственникам помещения в МКД на праве общей долевой собственности, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме.

Вторым существенным условием договора управления является перечень работ и услуг по управлению МКД, по содержанию и ремонту общего имущества в МКД, порядок изменения этого перечня, а также перечень предоставляемых управляющей организацией коммунальных услуг. Перечень коммунальных услуг определен в ч. 4 ст. 154 ЖК РФ. Перечень обязательных работ и услуг по содержанию и ремонту общего имущества собственников помещений в МКД должен быть детализирован в соответствующем документе. Образец его — приложение 3, утверждено постановлением Правительства РФ [5].

Третьим существенным условием является порядок определения цены договора, размеры платежа за содержание и ремонт жилого помещения и платежа за коммунальные услуги, порядок внесения этих платежей.

Порядок внесения и расчета этих платежей установлены соответственно в ст. 155 и 157 ЖК РФ. Плата за содержание и ремонт жилого помещения устанавливается по тарифам, утвержденным муниципалитетом, если общим собранием собственников помещений не установлено иное (ч. 4 ст. 158 ЖК РФ).

И, наконец, четвертым условием, отнесенным законодателем к существенным, является порядок осуществления контроля за выполнением управляющей организацией ее обязательств по договору управления. Такой контроль осуществляется обычно посредством представления управляющей организацией отчета о выполнении договора в начале текущего года за предыдущий год, который должен также размещаться в системе.

Все рассмотренные условия договора управления едины для всех собственников помещений в данном доме.

Таким образом, можно констатировать, что существенные условия договора, определяющие объем прав и обязанностей собственников помещений МКД и управляющей организации, достаточно подробно прописаны на уровне законов и подзаконных актов, а потому не требуют согласования сторонами договора. Полагаем, единственным существенным условием договора, согласуемым непосредственно сторонами, является цена договора управления. Такое положение является оправданным, потому что цену договора невозможно определить в каком-либо фиксированном размере. Тем более, что срок такого договора не превышает, как правило, пяти лет.

Договор управления МКД является срочным и заключается на следующие сроки:

- при выборе управляющей организации общим собранием собственников помещений в МКД — на срок от одного до пяти лет;
- до проведения открытого конкурса на выбор управляющей организации и в случае заключения договора по результатам открытого конкурса лицом, принявшим от застройщика в эксплуатацию помещения в данном доме — на срок от одного до трех лет;
- в случае заключения договора управления застройщиком до его передачи — на срок до трех месяцев.

Если ни одна из сторон не заявляет о прекращении договора управления МКД по окончании срока его действия, он продлевается на тот же срок и на тех же условиях.

Согласно дополнениям, внесенным в законодательство в 2017 году, управляющая организация обязана приступить к исполнению договора управления МКД с даты внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации в связи с заключением этого договора [4].

Договор может быть изменен или расторгнут в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

По инициативе собственников помещений договор управления может быть прекращен в одностороннем порядке по основаниям, установленным в ч. 8.1 и 8.2 ст. 162 ЖК РФ, а также определенным в соглашении сторон. К таковым относятся следующие ситуации:

- по заключенному по результатам открытого конкурса договору управления — в конце каждого следующего года, если общее собрание собственников приняло решение о выборе или об изменении способа управления этим домом.
- если управляющей организацией не выполняются условия договора.

Федеральным законом от 31.12.2017 № 485-ФЗ внесены уточнения и более детально регламентирована процедура передачи управляющей организацией другой стороне договора всего, касающегося предмета договора (перечень передаваемого), после прекращения его действия [4]. Это является важным дополнением в правовой регламентации настоящего договора, так как закрепило прямую обязанность управляющей организации по такой передаче, к примеру, при изменении способа управления. Ранее истребование таких документов приводило к многочисленным спорам, разрешаемым в судебном порядке. Приведем пример из судебной практики разрешения такого спора. Так, был изменен способ управления домом и собранием

собственников жилья создано ТСЖ. Оно потребовало техническую документацию на обслуживание дома у прежней управляющей организации — ООО «Многофункциональная компания». ООО не было предоставлено требуемое с мотивировкой, что документация отсутствует и у организации не имеется такой обязанности. ТСЖ обратилось в арбитражный суд с иском о наложении обязанности передать документацию. Суд удовлетворил требование истца, указав, что «отсутствие или утрата технической или иной документации, необходимой для эксплуатации МКД, не может являться основанием для прекращения обязанности возврата ее, и она подлежит восстановлению за счет обязанного лица» [7].

Исследовав все существенные признаки договора управления МКД, мы можем определить его правовую природу. Считаем, что договор управления МКД является гражданско-правовым по сути, так как предназначен для установления имущественных правовых отношений. Эти отношения основаны на равенстве, свободны и не поддерживаются административным подчинением.

Распределение обязанностей между сторонами говорит о двустороннем характере рассматриваемого договора. Наличие встречного удовлетворения свидетельствует о том, что он является возмездным. Так как права и обязанности сторон возникают только после достижения соответствующего соглашения, то договор управления является консенсуальным. На срочный характер договора указывает установление в законодательстве четких сроков его действия.

Несмотря на сходство рассматриваемого договора с договорными отношениями возмездного выполнения работ или возмездного оказания услуг, он все же является самостоятельным видом гражданско-правового договора об оказании услуг управления. Управляющая организация может поставлять отдельные услуги и работы собственникам жилья, но все же основной задачей ее деятельности, обязанностями по предмету договора является управление общедомовыми помещениями МКД, а не предоставление услуг. Отличен он также от договора доверительного управления имуществом, так как общее имущество собственников полностью не передается управляющей организации, и они осуществляют правомочия в отношении указанного имущества совместно. Согласны мы также с позицией Л. А. Юрьевой, утверждающей, что квалификация рассматриваемого договора как носящего смешанный или комплексный характер, несостоятельна [9, 7]. Действительно, договор, получивший столь подробную и специальную регламентацию в законодательстве, не может признаваться смешанным (комплексным).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ: официальный текст по состоянию на 10.03.2019 г. [Электронный ресурс] // Правовой сайт «КонсультантПлюс» URL: <http://base.СПС КонсультантПлюс>.
3. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 214-ФЗ «О внесении изменений в статьи 155 и 162 Жилищного кодекса Российской Федерации»: официальный текст по состоянию на 10.03.2019 г. [Электронный ресурс] // Правовой сайт «КонсультантПлюс» URL: <http://base.СПС КонсультантПлюс>.
4. Федеральный закон от 31.12.2017 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: официальный текст по состоянию на 10.03.2019 г. [Электронный ресурс] // Правовой сайт «КонсультантПлюс» URL: <http://base.СПС КонсультантПлюс>.
5. Постановление Правительства РФ от 06.02.2006 № 75 (ред. от 21.12.2018) «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей

организации для управления многоквартирным домом»: официальный текст по состоянию на 10.03.2019 г. [Электронный ресурс] // Правовой сайт «КонсультантПлюс» URL: <http://base.sps.consultant.ru>.

6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.12.2015 № Ф03–5435/2015 по делу № А51–846/2015. [Электронный ресурс] // Сайт «Архив решений Арбитражных судов и судов общей юрисдикции». URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/433674545>. Дата обращения: 14.03.2020 г.

7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.03.2016 № Ф01–792/2016 по делу № А17–2072/2015. [Электронный ресурс] // Сайт «Архив решений Арбитражных судов и судов общей юрисдикции». URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/433671576>. Дата обращения: 14.03.2020 г.

8. Долгова Н. А. Правовая конструкция договора управления многоквартирным домом: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2014. — 30 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1556415>. Дата обращения: 14.03.2020 г.

9. Юрьева Л. А. Управление многоквартирным домом: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Кемерово, 2010. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/dogovor-upravleniya-mnogokvartirnym-domom/read>. Дата обращения: 14.03.2020 г.

УЧЕТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ЛИЦ В СПОРЕ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРАВА УЧАСТИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ

Катанаева Елизавета Артуровна

Научный руководитель: Ушницкий Р. Р., к.ю.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Важным условием реализации такого способа защиты как восстановление права участия в коммерческой корпорации должно быть недопущение дестабилизации оборота и нарушения прав других участников корпорации [1].

Иск о восстановлении права участия в коммерческой корпорации затрагивает имущественные права и интересы других участников общества, то есть при восстановлении права участия одного лица могут быть нарушены права других участников. Как раз об этом указано в одном из Постановлений Президиума ВАС РФ 2008 года, в которых был впервые упомянут специальный способ защиты. Так, например, истец предъявляет иск о применении последствий недействительности договора купли-продажи доли в уставном капитале, это требование содержит просьбу о восстановлении права участия в коммерческой корпорации. Истец оказывается в благоприятном, с экономической точки зрения, положении по отношению к другим участникам корпорации, которые добросовестно участвовали в процедуре увеличения уставного капитала. Суд сделал вывод, что следует по таким спорам привлекать к участию в деле

в качестве ответчиков и других участников корпорации для того, чтобы установить соотношение долей в уставном капитале в отношении каждого.

Законодатель определил, что лицо, утратившее право участия, имеет права на возврат своей доли от последнего приобретателя, и возмещение убытков от тех, кто произвел незаконное отчуждение, а потом перепродал долю последнему приобретателю. Возмещение убытков истцу производят виновные в незаконном отчуждении доли и утрате права участия в коммерческой корпорации по правилам статьи 15 и главы 59 ГК РФ.

Таким образом, ключевым критерием возможности применения данного способа должна являться недобросовестность лиц. Однако рассматриваемая статья не предполагает под собой анализа добросовестности последнего приобретателя, не содержит требования о возмездности сделки, по которой утраченная доля перешла к последнему приобретателю. Согласно изложенной позиции Пленума ВС РФ [2], каждый участник гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

Например, отказывая в иске последнего приобретателя к продавшим неправомерно отчужденную долю, не рассматривая вопрос о справедливой компенсации, Арбитражный суд Псковской области исходил из того, что ответчик не заявил о взыскании в их пользу справедливой компенсации, несмотря на предложения суда. Суд не стал взыскивать компенсации с виновных лиц (Егорова И. В., Королькова А. В.) в пользу Капарова Б. М. без процессуального волеизъявления ответчика. «При этом ответчик не лишён права на такой иск в рамках отдельного арбитражного спора.» [3].

Но в случаях, если последний приобретатель знал или должен было знать, что доля участия им приобретена неправомерно или есть сомнения в законности прав на нее у продающих лиц, и он осознанно не предпринял никаких мер, то ему должно быть отказано в компенсации за счет лица, утратившего эту долю.

Что касается размера такой компенсации, то каких-либо критериев определения величины компенсации ГК РФ не содержит, как и нет официального толкования или устоявшейся практики применения. В качестве основания для определения размера компенсации суд может использовать номинальную, действительную или рыночную стоимость доли. [4, 52]. Однако, последний вариант предпочтителен, по мнению Родионовой, поскольку «привлечение судом независимого оценщика для определения рыночной стоимости доли и учет результатов оценки при расчете компенсации позволят защитить экономический интерес правообладателя» [5, 43–44]. Такой подход справедлив для обоих случаев компенсаций.

Но стоит также отметить, в рассматриваемом пункте статьи 65.2 ГК РФ есть и другие варианты развития событий. Первый вариант — суд отказывает в возвращении доли участия, лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате выплачивается «справедливая компенсация, определяемая судом». «Это произойдет, если суд придет к выводу, что возврат доли приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия» [6].

То, что суд вправе отказать в иске о восстановлении права участия совершенно не свидетельствует об осуществлении принципов гражданского права, таких как равенство участников гражданских правоотношений, обеспечение восстановления и судебной защиты гражданских прав, а самое важное — принципа добросовестности. В том числе при таком исходе будут нарушены и принципы судопроизводства — принципы состязательности и равноправия сторон, что предполагает предоставление сторонам равных процессуальных возможностей для защиты своих прав и законных интересов.

Поэтому поступая «справедливо» по отношению к ответчику, решение суда будет всегда несправедливым в отношении истца, лица, уже утратившего, незаконно лишённого права участия в корпорации [7, 9]. Е. А. Суханов считает, что такое условие направлено на защиту инте-

ресов добросовестного лица, которое «ни сном ни духом не ведало, что приобрело эти акции у тех, кто неправомочен был их отчуждать» [8, 171–172].

Однако мы придерживаемся точки зрения, что суд не должен иметь права выбора в таком вопросе, этот выбор — получить денежную компенсацию или восстановить право участия, что является предметом такого иска как о восстановлении права участия в коммерческой корпорации — первоначально должен делать сам истец, лицо, утратившее эту долю и чье право было нарушено.

Определение добросовестности всегда являлось и является одним из наиболее сложно доказываемых обстоятельств, в том числе и по спорам, связанным с неправомерным лишением права участия в коммерческой корпорации. Как отмечает С. В. Сарбаш, «это скорее вопрос факта и его оценки, нежели вопрос права». Поэтому «беспечность и неразумность», «пренебрежение правами других лиц», фактическое завладение правом участия другими лицами помимо воли первоначального владельца могут быть положены в основание определения недобросовестности приобретателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

3. Решение Арбитражного суда Псковской области от 22.09.2016 по делу № А52–4242/2015 // URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/N2aU7vH6WqQK/>

4. Родионова Е. Как восстановить корпоративный контроль. Новые способы. // Корпоративный юрист. 2016. № 5. С. 52.

5. Роднова О. М. Восстановление корпоративного контроля — универсальный способ защиты права членства // Вестник Ярославского Государственного Университета Им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 1 (35). С. 43–44.

6. Сарбаш С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4.

7. Суханов Е. А. Корпоративное соглашение — это бомба под весь наш оборот // Закон. 2014. № 7. С. 9.

8. Ушницкий Р. Р. Гражданско-правовая форма корпоративного отношения: дис. кан. юрид. наук. СПб. 2013. С. 171–172.

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кузьмин Иван Петрович

Научный руководитель: Ефимова М. П., ст. преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Помимо анализа характерных особенностей преступности несовершеннолетних немаловажную роль играет также исследование ее генезиса. Это обусловлено тем, что применение в отношении подростка исключительно юридических санкций уголовно-правового характера, как реакции на уже совершенное им преступление, представляет собой полумеру, поскольку гораздо эффективнее бороться непосредственно с факторами, приведшими к совершению им преступления.

Но перед их изучением стоит сделать ремарку: с каждым годом общественные отношения и связи между различными их системами и элементами становятся все сложнее, вследствие чего в настоящий момент уже нельзя однозначно выделить и установить определенную причинно-следственную связь. По этой причине ученые различных специальностей постепенно отходят от употребления термина «причина», предпочитая более гибкие «фактор» и «детерминанта», которые так или иначе воздействуют на объект исследования, поскольку они позволяют свободнее устанавливать корреляционные зависимости между ними [5, 23].

Вообще выявление факторов, которые влияют на уровень, структуру и динамику преступности как несовершеннолетних, так и в целом, является важной исследовательской задачей, поскольку именно установление зависимости между ними и совершенными преступными деяниями позволяет выработать криминологические теории и концепции, без знания которых невозможно разработать адекватные и эффективные меры ее предупреждения, профилактики и социального контроля.

В свете вышеизложенного неудивительно, что специалистами выделяется огромное количество различных факторов, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, подавляющая часть из которых пересекается с позициями других ученых и находит свое подтверждение на практике.

Так, одной из основных детерминант преступности несовершеннолетних практически все авторы выделяют рост социально-экономический фактор. Конечно, он служит детерминантой также и общей преступности, но следует понимать, что именно экономические отношения затрагивают практически каждого члена человеческого социума, в особенности несовершеннолетних.

Стремительное снижение уровня жизни и благосостояния семьи оказывают огромное влияние на формирование криминальных взглядов у подростков, поскольку они начинают быть все более уверенными в том, что устройство общества крайне несправедливо, вследствие чего начинать преступления из-за крайней нужды [10, 283].

В результате этого они могут прибегнуть к совершению преступлений с целью удовлетворения своих потребностей, чего они не могут в силу обстоятельств достичь легальным путем [2, 13–14].

В свою очередь, с ростом социально-экономических проблем в стране тесно взаимосвязано увеличение напряженности в обществе, так и в частности, в семье, что порождает социальный фактор [9, 348].

Семья как одна из главных ячеек общества в полной мере испытывает на себе все материальные трудности, которые обусловлены различными процессами экономической неустроен-

ности и тревожных ожиданий. Установлено, что чаще всего насилие проявляется именно в тех семьях, где остро стоит вопрос материального обеспечения и жилищных проблем [8, 101].

Однако при изучении данного вопроса ни в коем случае нельзя быть излишне категоричными, потому что следует понимать, что хоть на формирование преступного поведения так или иначе влияют определенные факторы, тем не менее оно не находится с ними в непосредственной зависимости. Точно так же нельзя утверждать, что образование родителей, их уровень доходов и семейного материального благополучия детерминируют преступность. Данные перечисленные факторы чаще всего лишь могут поспособствовать возникновению в семье социально-психологического дискомфорта, который и является краеугольным камнем в данном факторе преступности несовершеннолетних [6, 48].

Неблагоприятная атмосфера в семье, натянутые отношения между ее членами, постоянные ссоры и насилие в отношении несовершеннолетних, которые не могут защитить себя, побуждают их озлобляться на окружающий мир и формируют у них негативные личностные качества, в частности, агрессивное поведение, неспособность решать проблемы неконфликтным способом, нигилизм в отношении прав и свобод других лиц.

Данная позиция находит свое отражение и в точках зрения различных авторов, занимающихся исследованиями в области семейной криминологии. Они полагают, что семейные отношения можно разделить на две категории: те, которые служат одним из источников формирования у подрастающего поколения правомерного поведения, о чем речь будет идти позже, и те, которые являются фактором в механизме формирования преступника, поскольку они не обеспечивают усвоение основных ценностных понятий, заключающихся в атрибутах общественного идеала и общечеловеческих ценностей [7, 177–179].

Примечательно также то, что преступления совершаются также несовершеннолетними, семьи которых нельзя отнести к числу социально дезорганизованных, потому что они характеризуются относительно высоким уровнем материального обеспечения, условиями жизни и, возможно, хорошим отношением со стороны окружающих. И в данном случае речь идет не о латентном насилии, которое, тем не менее, далеко не редкое явление, а о недостаточном внимании со стороны родителей из-за того, что они огромное количество времени проводят на работе, сосредотачиваясь на материальном обеспечении своего ребенка, либо предпочитают не заниматься его нравственным и моральным воспитанием, и проводить время с ним [3, 7–10].

Вследствие этого, несовершеннолетний, желая привлечь внимание со стороны своих родителей, может начать совершать различные противоправные деяния, вплоть до преступлений. В этих попытках он также может связаться с плохой компанией либо собрать вокруг себя других детей и выступить инициатором совершения определенных деяний, а то и вовсе лидером движений, пропагандирующих криминальный образ жизни.

Помимо прочего, на формирование личности подростка огромное влияние также оказывает его окружение и школа, где он обучается.

К сожалению, российское образование на сегодняшний день переживает глубочайший кризис, что, несомненно, служит фактором роста преступности несовершеннолетних, поскольку педагоги не всегда в полной мере осуществляют свою деятельность по воспитанию обучающихся. Причин этого достаточно много: недостаточный уровень профессионализма со стороны учителей, педагогические ошибки, неспособность оказать влияние на подростков, незнание их личностных особенностей, несвоевременное реагирование со стороны психолога и многое другое [1, 15].

Однако в этом нельзя винить непосредственно одних лишь педагогов, поскольку вышеперечисленное является лишь следствием непонимания обстановки в образовательных учреждениях со стороны государственных и муниципальных органов, осуществляющих контроль и надзор за образованием, и проведением ими политики, не соответствующей действительности.

В результате этого мы видим следующее: образовательный процесс страдает от бюрократии, а педагоги чаще всего просто не имеют никакой возможности установить контакт со своими учениками и оказывать на них воспитательное воздействие, что, несомненно, служит детерминантой преступности несовершеннолетних.

Подытоживая данный фактор, следует отметить, что недостатки школьного образования отечественные криминологи всегда относили к числу факторов, порождающих не только преступность несовершеннолетних, но и влияющих на всю преступность.

Кроме того, часть авторов небезосновательно выделяют в своих работах низкий уровень организации досуга несовершеннолетних как фактор преступности несовершеннолетних [11, 63].

На данный момент в Российской Федерации действительно очень мало бесплатных кружков по интересам и спортивных секций, которые бы могли занять подростка в свободное от учебы время, а также поспособствовать его общему развитию, что очень сильно бы снизило вероятность совершения им преступления.

И, наконец, в качестве фактора преступности несовершеннолетних выделяется формализм и бюрократизм в органах, осуществляющих профилактику правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних [4, 157].

Это вызвано изначально принципиальной ошибкой в законодательстве, так как современная система профилактики видит в несовершеннолетнем правонарушителе социального элемента, который представляет общественную опасность, вследствие чего она больше направлена на применение в отношении него и его законных представителей различных санкций дисциплинарного и административного характера, а не на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению им антиобщественных действий, его моральное оздоровление и воспитание.

Данный перечень факторов преступности несовершеннолетних нельзя назвать исчерпывающим, поскольку в мире существует множество явлений и обстоятельств, так или иначе детерминирующих ее, однако выше обозначена часть наиболее характерных и действительно влияющих на нее факторов, зная которые, можно предложить и разработать меры, направленные непосредственно на их устранение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артеменко Н. Н., Малаева Л. О. Детерминанты преступности несовершеннолетних // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 10–11. С. 15.
2. Бочкарева Е. В. Социально-экономические и воспитательные факторы как детерминанты преступности несовершеннолетних (на примере Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 13–14.
3. Воронцова Н. В., Миненко К. С., Щепотьев А. В. Детерминанты преступного поведения несовершеннолетних // Педагогика высшей школы. — 2017. — № 1. — С. 7–10.
4. Гаврилов С. Т., Бородкина Т. А. Факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних в России // Территория науки. 2015. № 5. С. 157.
5. Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб., 2013; 3-е издание, испр. и доп. С. 23.
6. Долгова, А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. С. 48.
7. Долгова А. И. Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы // Юридический аналитический журнал. — 2013. — № 3. — С. 177–179.
8. Кожевникова Е. А. Детерминанты преступности несовершеннолетних // Вестник ЧелГУ. 2011. № 19. С. 101–102.
9. Криминология. Учебник для вузов / Под ред. С. Ю. Булакова. — СПб., 2014. — С. 348

10. Криминология: учебник / колл. авторов; под общ. ред. В. И. Гладких. — М.: Юстиция, 2017. С. 283.

11. Репьева А. М., Шаганова О. М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: детерминанты и меры предупреждения (на материалах алтайского края) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 1. С. 63.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

В настоящее время одной из наиболее острых и комплексных проблем, стоящих перед уголовным, административным, трудовым и в особенности — налоговым и гражданским правом является отсутствие чётко определённого в соответствующем законодательстве правового статуса самозанятых граждан. Хотя статистические данные относительно их количества, предоставляемые различными государственными органами, сильно разнятся (по данным Министерства экономического развития самозанятых граждан в Российской Федерации около 2,3 миллиона, а по данным Общественной палаты — 22 миллиона человек [4]), нельзя отрицать, что их число довольно велико и постоянно возрастает, что государство в условиях дефицита бюджета и медленного роста ВВП проигнорировать не может.

Однако правовую политику в данной сфере нельзя назвать последовательной — в настоящее время наиболее чётко установлены только временные льготы в отношении самозанятых лиц. Однако льготы лишь с определённой долей условности можно назвать таковыми, если в нормативно-правовых актах отсутствуют права, обязанности и ответственность рассматриваемой категории лиц. Однако и они не имеют смысла без определения круга лиц, на которые данные элементы правового статуса будут распространяться. Конкретизации его будет способствовать разработка универсальной для всех отраслей права дефиниция самозанятых граждан. Если законодательство Российской Федерации не может предоставить конкретные определения самозанятых лиц и самозанятости, то об их примерном перечислении сказать такого нельзя. Однако положительным моментом данный факт считать нельзя, так как при анализе нормативной базы (и, следовательно, научной литературы) обнаруживается обилие противоречащих друг другу формулировок.

Противоречия среди правовых актов вызывают споры и между учёными-правоведами. К одному из таких можно отнести вопрос о соотношении терминов «индивидуальный предприниматель» («предпринимательская деятельность») и «самозанятый гражданин» («самозанятость»). Так, в приказе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 декабря 2013 года № 773н указывается, что государственная услуга по содействию самозанятости включает в себя оказание финансовой помощи безработным гражданам в регистрации в качестве юридического лица, индивидуального предпринимателя либо крестьянского (фермерского) хозяйства [3]. Следовательно, к самозанятым лицам данный приказ относит индивидуальных предпринимателей и учредителей юридических лиц, и самозанятость включает в себя предпринимательство.

Однако Закон РФ от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в пункте 7 части 1 статьи 7 в качестве полномочия федеральных органов государственной власти в сфере занятости населения называет «координацию деятельности по созданию экономических условий для обеспечения занятости населения, развития предпринимательства и самозанятости» [1]. Пункт сформулирован так, что между категориями «самозанятость» и «предпринимательство» отсутствует связь более общего термина и его части, напротив, оба понятия здесь выступают в качестве независимых друг от друга форм проявления занятости населения как деятельности граждан, связанной с удовлетворением личных и общественных потребностей, приносящей им заработок.

Также в п. 70 ст. 217 НК РФ есть закрытый список видов деятельности, осуществляемой самозанятыми гражданами, не подлежащий расширительному толкованию, который, однако, он может быть дополнен на региональном уровне:

- 1) услуги, по присмотру и уходу за детьми, больными лицами, лицами, достигшими возраста 80 лет и другими нуждающимися в постороннем уходе;
- 2) услуги по репетиторству;
- 3) услуги по уборке жилых помещений, ведению домашнего хозяйства [2].

Целесообразным видится включение в законодательство РФ следующей универсальной дефиниции самозанятых граждан следующего содержания: «физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие услуги физическим и (или) юридическим лицам для личных, домашних или иных подобных нужд без привлечения наёмных работников, зарегистрированные в установленном законом порядке» и самозанятости — «деятельность, направленная на систематическое получение дохода от оказания услуг, которая осуществляется самостоятельно лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве самозанятого гражданина, без привлечения наёмных работников».

Данные дефиниции предлагается закрепить в отдельном ФЗ «О самозанятости в Российской Федерации», чтобы подчеркнуть универсальность их применения и межотраслевой характер рассматриваемого явления.

Закрепление универсальных определений самозанятых граждан и самозанятости в законодательстве РФ послужит нормативной базой для разработки чёткого правового статуса рассматриваемых лиц и приведёт к унификации подхода различных органов к рассматриваемому феномену.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон Российской Федерации от 19.04.1991 г. № 1032–1 (ред. от 11.12.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
2. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29.09.2019). // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.12.2013 № 773н «Об утверждении федерального государственного стандарта государственной услуги по содействию самозанятости гражданам, признанным в установленном порядке безработными, и гражданам, признанным в установленном порядке безработными, прошедшим профессиональное обучение или получившим дополнительное профессиональное образование по направлению службы занятости, единовременной финансовой помощи при их государственной регистрации в качестве юридического лица, индивидуального предпринимателя либо крестьянского (фермерского) хозяйства, а также единовременной финансовой помощи на подготовку документов для соответствующей государственной регистрации» // Российская газета. 2014. № 71.
4. Самозанятые граждане будут платить налоги с 2019 года: <https://www.snta.ru/press-center/samozanyatyegrazhdanebudutplatitnalogi-s-2019-goda/>

К ВОПРОСУ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСНОВАНИЙ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Первоочередное значение в нормативно-правовых актах, определяющих основания изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд имеет ст. 49 Земельного кодекса РФ, в соответствии с которой изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд осуществляется в исключительных случаях по основаниям, связанным с:

- 1) выполнением международных договоров Российской Федерации;
- 2) строительством, реконструкцией объектов инфраструктуры государственного значения (объектов федерального значения, объектов регионального значения) или объектов местного значения при отсутствии других возможных вариантов строительства, реконструкции этих объектов;
- 3) иными основаниями, предусмотренными федеральными законами.

Как следует из приведенного перечня, изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд может быть произведено в двух основных случаях:

1. В целях строительства объектов федерального, регионального, местного значения (транспорт, энергетика, оборона). При этом во избежание расширительного толкования ЗК РФ в п. 2 ст. 49 устанавливает исчерпывающий перечень таких объектов и обязательным и неотъемлемым условием размещения таких объектов является отсутствие других вариантов возможного размещения.

2. Для обеспечения выполнения международных обязательств РФ. Указанные случаи изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд, отнесены законом к исключительным, то есть по общему правилу такого изъятия следует избегать.

При этом бремя доказывания исключительности закон возлагает на государственные и муниципальные органы, которые обязаны обеспечить надлежащие подготовительные процедуры к изъятию земельных участков, в том числе, связанные с перспективным планированием объектов соответствующей инфраструктуры. Из этого можно сделать выводы о логике законодателя — в целях максимального обеспечения конституционного права на частную собственность, закрепленное ст. 35 Конституции РФ, исчерпывающим образом определены условия, образующие основания для осуществления изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Данная логика коррелируется с позицией Конституционного суда РФ, изложенной в Постановлении от 16.07.2008 №9-П, где сказано, что в силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем, чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению. Однако, указанная логика нарушается законодателем нормами п. 3 ст. 49 ЗК РФ, которые фактически устанавливают расширительную трактовку осно-

ваний изъятия земельных участков, определяя возможность существования «иных» оснований для изъятия земельных участков, предусмотренных федеральными законами.

Необходимо отметить, что до 2015 года такие «иные» основания в отношении земель, находящихся в собственности субъекта РФ или муниципального образования могли предусматриваться законами субъекта РФ. В качестве примера самостоятельного установления органами власти субъектов РФ обстоятельств изъятия земельных участков можно привести Закон Кемеровской области от 18 июля 2002 года № 56-ОЗ «О предоставлении и изъятии земельных участков на территории Кемеровской области», который устанавливает, что изъятие, в том числе путем выкупа, земельных участков для нужд Кемеровской области или муниципальных нужд из земель, находящихся в собственности Кемеровской области или муниципальной собственности, помимо случаев, предусмотренных федеральным законодательством, осуществляется в случае необходимости предоставления земельного участка для разработки месторождений полезных ископаемых.

Таким образом, с одной стороны в п. 2 ст. 49 ЗК РФ законодатель установил исчерпывающий перечень оснований для изъятия в целях строительства объектов федерального, регионального, местного значения. При этом в п. 3 законодатель допускает установление иных оснований федеральными законами. Указанное противоречие, связанное с одновременным наличием в законодательстве исчерпывающих и расширительного толкования оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд объективно провоцирует возникновение конфликта частных и публичных интересов что в результате провоцирует судебные споры. Тем самым создается ситуация, при которой в вопросе принятия решения об изъятии земельного участка повышается роль судебного усмотрения, что, по нашему мнению, противоречит основным характеристикам отечественной правовой системы.

Другим следствием противоречивой законодательной трактовки оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд является произвольное понимание принципа исключительности. С одной стороны, из изложения нормы ст. 49 ЗК РФ следует вывод о том, что случаи, допускающие изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, отнесены самим законом к исключительным.

Верховный суд РФ также неоднократно отмечал, что решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд может быть принято только в исключительных случаях для достижения общественно полезных целей, реализация которых невозможна без вмешательства органов государственной власти или местного самоуправления в частные интересы. Так, в Определении Верховного суда РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013 суд указал, что заключение договора о развитии застроенной территории не является достаточным основанием для изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд. По мнению суда, из норм действующего законодательства не вытекает, что данные обстоятельства влекут безусловное принудительное изъятие земельных участков у частных лиц, поскольку это не свидетельствует о наличии каких-либо публичных нужд и достижении общественно полезных целей. Необходимостью соблюдения принципа исключительности при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд руководствуются и суды при принятии решений по возникающим спорам.

Так, например, Десятый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 15.07.2016 № 10АП-4767/2016 по делу № А41-78851/15, указал следующее: согласно оспариваемому постановлению администрации земельный участок заявителя и здание, расположенное на нем, подлежали изъятию для муниципальных нужд, а именно: для строительства автомобильной дороги местного значения, проходящей в соответствии с утвержденным проектом планировки территории микрорайона, в отношении которой заключен договор о развитии застроенной территории, к детскому дошкольному учреждению, а также строительства объектов централизованных систем холодного водоснабжения и водоотведения местного

значения. Вместе с тем, по мнению суда апелляционной инстанции, уполномоченный орган не представил в материалы дела доказательства, из которых бы следовало, что принадлежащие заявителю земельный участок и здание, расположенное на нем, изымаются для каких-либо публичных нужд и носят исключительный характер. Из представленных администрацией документов следовало, что на изымаемом земельном участке будет располагаться не здание и не строение, а территория детского дошкольного учреждения. Это противоречит положениям ст. 49 ЗК РФ, так как опровергает исключительность изъятия для строительства автомобильной дороги местного значения. Размещение территории и самого детского сада не входит в перечень объектов, перечисленных в п. 2 ст. 49 ЗК РФ, который является исключительным и исчерпывающим.

В другом деле Арбитражный суд УО в Постановлении от 18.05.2017 № Ф09–1616/17 по делу № А50–10431/2016, указал, что, несмотря на то что заявитель подпадает под категорию лиц, которые имеют право обратиться с ходатайством об изъятии земельных участков, вместе с тем само по себе данное обстоятельство не является основанием для удовлетворения такого ходатайства при несоблюдении иных условий, при которых возможно изъятие. Основопологающим условием, которое допускает изъятие земельных участков в порядке, предусмотренном действующим законодательством, является наличие государственной или муниципальной нужды, которое подлежит доказыванию лицом, обратившимся с соответствующим ходатайством об изъятии. В рассматриваемом деле в качестве государственной нужды заявитель указывал на получение в дальнейшем Пермским краем налога и формирование новых рабочих мест, что, по мнению суда, лишь опосредованно служит интересам общества и направлено на извлечение прибыли самим заявителем. Само по себе наличие действующей лицензии на право пользования участком недр местного значения, выданной министерством по результатам аукциона на срок разработки месторождения, не является безусловным основанием, свидетельствующим о том, что деятельность заявителя направлена на удовлетворение публичных интересов, соответствует общественным потребностям.

Как видим, соблюдение принципа исключительности при определении оснований для изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд понимается как необходимость обеспечения надлежащей доказательной базы наличия публичного интереса и невозможности других вариантов его реализации.

Примером наличия достаточной доказательственной базы для обоснования наличия муниципальных нужд может быть рассмотрено Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа. В нем суд отказал в иске обществу с ограниченной ответственностью о признании недействительным постановления администрации муниципального образования о резервировании земельного участка для муниципальных нужд, указав, что резервирование принадлежащего обществу земельного участка связано со строительством автомобильной дороги местного значения. Автомобильная дорога предусмотрена перечнем объектов муниципального значения, необходимость размещения которых может рассматриваться в качестве основания для резервирования земельных участков. Вариант размещения такого объекта, одобренный решением градостроительного совета администрации с учетом оценки перспективной интенсивности дорожного движения и мероприятий по инженерно-технической подготовке затапливаемой территории при максимальном сохранении исторической среды в окружении памятника федерального значения, развития территории микрорайона, экономической обоснованности затрат на его возведение и необходимости соблюдения баланса общественных и частных интересов, прошел процедуру публичных слушаний и включен в генеральный план города как единственно возможный способ обеспечения муниципальных потребностей.

Решение Городской думы в установленном законом порядке не оспорено (ст. 49 ЗК РФ). Вместе с тем, как было указано, нормы п. 3 ст. 49 преопределяют возможность расширительного толкования принципа исключительности при изъятии земельных участков, поскольку

ку перечень возможных оснований изъятия земельных участков остается открытым, что несовместимо с указанием исключительности его реализации и объективно угрожает частному интересу.

В этой связи Т. В. Белова и М. А. Собенина [1] справедливо отмечают, что «такой подход ставит под сомнение главный принцип изъятия земельных участков — принцип «исключительности» и это, в свою очередь, приводит к возникновению различных споров, злоупотреблений и ущемлений прав и законных интересов правообладателей со стороны государства, а также делает невозможным единообразное понимание данного понятия».

В качестве доказательства данного вывода можно привести нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации — городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с ним изъятие земельных участков для государственных нужд может осуществляться в целях размещения на присоединенных к г. Москве территориях объектов федерального или регионального значения, обеспечивающих реализацию государственных задач в области развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, иных государственных задач и включенных в перечни, утверждаемые Правительством РФ — по объектам федерального значения, а высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ — г. Москвы — по объектам регионального значения.

Таким образом, указанный случай убедительно доказывает подчинение частного интереса публичному при принятии решения и осуществлении процесса изъятия земельного участка. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в изложении оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд имеется двойное противоречие. Первое из них обусловлено отсутствием четкого представления относительно содержания ведущего принципа осуществления изъятия земельного участка. Иначе говоря, остается неясным соотношение частного и публичного интереса при принятии решения об изъятии земельного участка.

С одной стороны, рассмотренные правовые нормы позволяют установить, что ключевым мотивом принятия решения об изъятии земельного участка является необходимость обеспечения и защиты частного интереса, что предполагает обязательность доказывания наличия публичного интереса в качестве основания для изъятия земельных участков, а также необходимость обеспечения исключительного характера вмешательства государственных и муниципальных органов в частные интересы для достижения публичных целей.

С другой стороны, государство в лице уполномоченных органов получает теоретически неограниченные возможности для легального ограничения частного интереса. Ограничение такого права обусловлено лишь обязательным наличием специального федерального закона, определяющего параметры объекта, создание и эксплуатация которого образует государственные или муниципальные нужды. Другое противоречие правовой регламентации оснований изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд является следствием первого. Неурегулированность соотношения частного и публичного интереса при решении вопроса об изъятии земельных участков повышает роль судебного усмотрения, а следовательно — судебного прецедента.

В результате, как показывает анализ современной правоприменительной практики, именно конкретные судебные решения во многом определяют наличие или отсутствие оснований для осуществления изъятия.

Считаем, что данное обстоятельство противоречит базовым принципам отечественной системы правового регулирования. Для ликвидации указанных противоречий представляется целесообразным скорректировать диспозицию норм ст. 49 ЗК РФ, а именно:

— полностью исключить п. 3;

- скорректировать содержание п. 2. данной статьи, составив исчерпывающий перечень объектов федерального и муниципального значения, отражающих государственные и муниципальные нужды. В частности, представляется необходимым внести в данный перечень объекты городской и сельской инфраструктуры, а также объекты спортивной инфраструктуры федерального и регионального значения. Представляется, что объекты указанного перечня отражают характеристики государственных и муниципальных нужд.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белова Т. В. Государственные и муниципальные нужды как условие изъятия земельного участка и прекращения права частной собственности на него [Текст] / Т. В. Белова, М. А. Собенина. — М. — 206 с.
2. Конституция Российской Федерации 1993 г. М., 2018.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, N 44, ст. 4147.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 N 43-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации — городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
5. Закон Кемеровской области от 18 июля 2002 года № 56-ОЗ «О предоставлении и изъятии земельных участков на территории Кемеровской области» (опубликован на сайте «Электронные ведомости Совета народных депутатов Кемеровской области» <http://www.zakon.sndko.ru> — дата обращения 23.12.2019).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 N 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева»
7. Справочно-правовая система Гарант // [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/news/1186736/> (Дата обращения: 16.12.2019)
8. Определение Верховного суда РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15–5924 по делу № А07–21632/2013
9. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2016 № 10АП-4767/2016 по делу № А41–78851/15
10. Постановление Арбитражного суда УО от 18.05.2017 № Ф09–1616/17 по делу № А50–10431/2016.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ НА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

На сегодняшний день вопрос землепользования коренных народов довольно часто поднимается не только на уровне национального законодательства, но и на международном уровне. С каждым годом ООН все чаще подчеркивает прямую обязанность государств обеспечивать права коренных народов на их исконную землю и призывает все страны мира придавать особое значение регулированию вопроса землепользования коренных народов. [11]

Несмотря на то, что нормы о правах коренных народов на землю носят обычный характер и распространяются на все страны без исключения — часть 2 статьи 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, [3] статья 27 Международного пакта о гражданских и политических правах [4], не все страны в полной мере гарантируют права коренных народов на землю в полной мере. Одной из основных проблем является экономический интерес частных компаний по отношению к ресурсам, располагающимся на землях коренных народов. [10] Иногда такой интерес попросту нарушает права коренных народов, так как они вынуждены покинуть свои исконные земли в результате деятельности горнодобывающих и иных предприятий в отсутствие должного возмещения нарушенных прав. Такие прецеденты не обошли стороной и Российскую Федерацию. Ярким примером является борьба за природный парк «Нумто», когда в результате деятельности горнодобывающей компании был причинен экологический вред природному парку, являющимся местом проживания ненцев и хантов. [8]

В России определен перечень коренных малочисленных народов (далее КМН), и как следствие, только народы из данного перечня могут иметь специальные права на землю. В соответствии со статьей 8 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» [6] и подпунктом 13 пункта 2 статьи 39.10 Земельного кодекса [2], КМН имеют право на безвозмездное пользование земель, предоставляемой государством. Статья 12 «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [7] устанавливает возможность изъятия земель в соответствии с земельным законодательством, при соответствующей компенсации. В данном случае компенсация определяется в соответствии с Приказом Министерства регионального развития [5] и рассчитывается, исходя из реального ущерба и упущенной выгоды землепользователей. Одним из самых распространенных оснований является изъятие земельного участка для пользования недрами, что предусмотрено подпунктом 3 пункта 2 статьи 56.3 ЗК РФ. [2] Таким образом, в рамках российского законодательства, коренные народы не имеют права собственности на землю, и размер компенсации в случае непосредственного изъятия определяется в соответствии с государственным нормированием.

Но является ли компенсация справедливым способом сбалансирования интересов в данной ситуации? Несмотря на то, что компенсация за использование традиционных земель предусматривается практически во всех правопорядках, данная гарантия не может в полной мере обеспечить права коренных народов, поскольку не учитывает культурную специфику жизни коренных народов. Главной особенностью в данном вопросе является религиозное отношение коренных народов к своим исконным землям и природным объектам, находящимся на ней. [1] Поэтому, недостаточно сбалансировать лишь материальный интерес, в тоже время нужно учи-

тывать именно культурную важность таких природных объектов для КМН. Одним из способов регулирования данной проблемы является проект закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации», который предлагает введение обязательной оценки социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности. [9] Данный законопроект предлагает учитывать культурные ценности КМН перед тем, как принимать решения об изъятии или изменении статуса таких земель. Такие меры помогут учесть значение важных для КМН культурных объектов и обеспечить их сохранность, что, в свою очередь, создаст определённый барьер для несправедливого изъятия земель КМН.

В качестве вывода стоит отметить, что прямой обязанностью государства является сохранение культурной аутентичности КМН. Основным средством сохранения такой аутентичности является доступ к свободному землепользованию. Вследствие чего, применение механизмов, позволяющих учитывать культурные интересы КМН в отношении использования ими своих земель, является необходимой гарантией их прав.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Слепцов А. Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, N 44, ст. 4147.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI)) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 12, 1994.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI)) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. — М.: БЕК, 1996. С. 470–482.
5. Приказ Министерства регионального развития РФ от 9 декабря 2009 г. N 565 «Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СПП Консультант плюс.
6. Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.1999, N 18, ст. 2208.
7. Федеральный закон от 07.05.2001 N 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», N 20, 14.05.2001, ст. 1972.
8. Официальный сайт Green pease Россия // [Электронный ресурс] URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2017/numto-20-02-2017/> (дата обращения: 05.11.2019)
9. Справочно-правовая система Гарант // [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/news/1186736/> (Дата обращения: 05.11.2019)
10. Human Rights Council Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples Tenth session: Ten years of the implementation of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: good practices and lessons learned — 2007–2017, 10–14 July 2017, A/HRC/EMRIP/2017/CRP.2.
11. UN General Assembly, Rights of indigenous peoples: resolution / adopted by the General Assembly, 16 February 2016, A/RES/70/232.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ФИЛЬТР КАК УГРОЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ВЫБОРАМ

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Понятие «муниципального фильтра» объединяет в себе множество нормативно-правовых актов разных уровней. К числу таких можно отнести федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ и федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ.

Конституция не предусматривает обязательность прямых выборов глав регионов, однако провозглашает многонациональный народ, как единственный источник власти в стране. Поэтому в российской общественности не утихают споры о том, как должен избираться высшее должностное лицо субъекта РФ. В связи с этим в 2005 году прямые выборы глав регионов были отменены, но ненадолго. В 2012 году выборы высших должностных лиц субъектов РФ были возвращены, но вместе с этим был введен так называемый «Муниципальный фильтр», которого не было в период с 1993 по 2005 года.

Данная новелла в избирательном законодательстве сразу вызвала вопросы о необходимости и обоснованности введения «муниципального фильтра». Поэтому группа депутатов Государственной Думы РФ обратилось в Конституционный суд о признании «муниципального фильтра» противоречащего Конституции РФ. Но Конституционный суд не согласился с заявлениями депутатов и признал нормы «муниципального фильтра» соответствующие Конституции. Также, Конституционный суд в своем постановлении подчеркнул, что главной задачей муниципального фильтра являлась исключение из избирательного процесса участников, не имеющих достаточной поддержки избирателей и участие выборных лиц местного самоуправления в выдвижении кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта, что будет означать признание реальной способности кандидата в случае победы на выборах действовать в интересах жителей региона. [2]

В действительности «муниципальный фильтр» демонстрирует очевидные сбои в механизме его реализации. Эти недостатки можно продемонстрировать на недавних выборах губернатора Владимирской области. КПРФ на выборы во Владимирской области выдвинула яркого кандидата — политолога и публициста Максима Шевченко, который не раз участвовал на различных программах федерального телевидения. Являлся доверенным лицом Павла Грудина и непосредственно участвовал в его компании. Важно еще подметить, что Максим на момент выборов являлся депутатом Законодательного собрания Владимирской области. Связи с этим Максима Шевченко трудно назвать неизвестным проходимцем. Но в данном случае кандидат от КПРФ Максим Шевченко не смог пройти муниципальный фильтр. Причиной этого стало то, что 13 депутатов, отдавшие подпись за Максима Шевченко, отдавали свои подписи и ранее, но только за других кандидатов. [5] А в соответствии п.3 ст. 18 федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ «Депутат представительного органа муниципального образования или избранный на муниципальных выборах глава муниципального образования может поддержать только одного кандидата, выдвинутого любой политической партией либо в порядке самовыдвижения». [1] Таким образом, кандидат, имеющий значительную поддержку среди жителей области и выдвигающийся от вто-

рой по популярности партии в стране, не допущен до выборов. Это означает, что «муниципальный фильтр», который призван отсеивать кандидатов с минимальной электоральной поддержкой, отсеивает также конкурентоспособных и известных кандидатов с предвыборной гонки.

Также известным примером дисфункции «муниципального фильтра» стала невозможность регистрации Евгения Ройзмана в качестве кандидата в губернаторы Свердловской области. Евгений Ройзман является мэром Екатеринбурга и на выборах мэра Екатеринбурга 2013 года за него проголосовало более 120000 избирателей. [3] Поэтому сложно сказать, что он не имеет поддержки среди народа. Несмотря на это, мэр Екатеринбурга не смог собрать необходимого количества подписей муниципальных депутатов. Причиной этому послужило то, что политические оппоненты Ройзмана собрали подписей больше необходимого, исключая при этом сбор подписей другим кандидатам. [6] Таким образом, система, призванная исключать из избирательного процесса участников, не имеющих достаточной поддержки избирателей, исключает кандидатов имеющих значительный электоральный потенциал.

На основании вышесказанного можно сделать ряд выводов. Выборы происходят в разное время, преследуют разные цели, и в результате увязывания выборов главы региона и голосов муниципальных депутатов происходит смещение политической повестки на муниципальном уровне. Муниципальные депутаты должны содействовать решению вопросов местного значения, но к ним предъявляются политические требования. Это входит в противоречие с принципами отделения местного самоуправления от государственного управления.

Муниципальный фильтр снижает демократичность выборов глав регионов. Снижает политическую конкуренцию. При определённых условиях действующие главы регионов могут сами выбирать себе соперников. С другой стороны, включает политику в местное самоуправление, политические партии требуют от муниципальных депутатов подписание политических деклараций, проводят отбор кандидатов на муниципальные выборы без учёта включенности в решении вопросов местного значения. [4]

Приведённые мною примеры могут стать подтверждением того, что даже при наличии большого количества сторонников на местных выборах прохождения муниципального фильтра ставятся в зависимость от политической воли правящей элиты. Таким образом, муниципальный фильтр превращается в институт ограничения демократии на региональном уровне и не обеспечивает представление интересов всех социальных групп на выборах.

Правовые нормы, регулирующие реализацию муниципального фильтра требуют изменений. В первую очередь, нужно дать возможность муниципальным депутатам ставить свои подписи за нескольких кандидатов. Для кандидатов от парламентских партий нужно вообще отменить муниципальный фильтр. Так как они выдвигаются от крупнейших политических партий в стране и имеют значительную электоральную поддержку. Следует также сократить нормы поддержки с трех четвертей, например, до половины муниципальных образований, а также смягчить муниципальный фильтр путем понижения его порога до 5%. Внесение подобных изменений в федеральное законодательство должно повысить общественное признание и легитимность выборов на региональном уровне, способствовать у населения росту интереса к выборам, повышению явки и сокращению абсентеизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. N 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав

и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»

3. Постановление № 36/383 избирательной комиссии муниципального образования «город Екатеринбург» от 12 сентября 2013 года «О результатах выборов Главы Екатеринбурга — Председателя Екатеринбургской городской Думы 8 сентября 2013 года»

4. Байнова М. С. Муниципальный фильтр: современные проблемы региональных выборов // Государственный советник. Государство и право. 2017. С. 10–14

5. Васильев К./ Шевченко не прошел муниципальный фильтр и выбыл из губернаторской гонки./ ПРОВладимир URL: <https://provladimir.ru/2018/08/03/shevchenko-ne-proshel-municipalnyj-filtr-i-vybyl-iz-gubernatorskoj-gonki>

6. Кузнецова Е. Истомина М. Костина Е./ Ройзману не хватит подписей депутатов для выдвижения в губернаторы. / РБК URL: <http://www.rbc.ru/politics/14/06/2017/594126249a794755bb04ec25>

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Научный руководитель: Болотаева О. С., к. ю. н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия по Конституции РФ является демократическим федеративным правовым государством. При этом в основном законе непосредственно закреплено равенство субъектов, составляющих Российскую Федерацию, но если более пристально рассмотреть реалии современной действительности, мы замечаем факт практически отсутствия вышеназванного равенства. Это практическое отсутствие равенства отражается и в возможностях республик иметь конституции и в различном наименовании высших должностных лиц республик, по отношению к большинству других субъектов Российской Федерации. Данная проблема отразилась и на сфере бюджетного федерализма.

Перед проведением анализа проблемы и для ее актуализации необходимо дать определение понятия, которое исследуется в работе. В данном случае необходимо дать понятие явления «бюджетный федерализм». Так, по мнению А. Н. Азрилияна, автора «Большого экономического словаря»: «Фискальный федерализм — принцип разделения полномочий между федеральной властью и властью штатов в США в финансовой сфере, основанный на главенстве федерации» [1]

В свою очередь кандидат экономических наук Идрисов Шамиль Агаевич, в своей статье для журнала *American Scientific Journal* дал такое понятие: «Бюджетный федерализм — это наличие обособленных, но взаимосвязанных звеньев налоговой системы страны, способных обеспечить на достаточном уровне финансирование расходных полномочий, закрепленных за соответствующими уровнями власти» [2]

Также в своей работе касательно совершенствования межбюджетных отношений, кандидат технических наук В. М. Мухачев дал такое определение «Бюджетный федерализм — это форма автономного функционирования бюджетов различных уровней государственной власти, основанная на четко сформулированных и закрепленных в законодательстве нормах» [3]

Опираясь на данные определения, появилась возможность дать авторское понятие бюджетного федерализма, под которым понимается правовой институт бюджетного права, призванный регулировать специфическую группу публично — правовых отношений в сфере разграничения полномочий между РФ и субъектами по формированию и распределению финансовых ресурсов.

Следует отметить довольно короткий период действия бюджетного федерализма в России, который насчитывает чуть более 25 лет. Его зарождение пришлось как раз на период последних лет СССР и возникновения нового государства — Российская Федерация. Развитие бюджетного федерализма в России не произошло с пустого места и в данном случае важным моментом является то, что Российский бюджетный федерализм схож с немецкой моделью фискального выравнивания, но, при этом, существует ряд особенностей, таких как:

- 1) отсутствие в Конституции Российской Федерации законодательной базы развития бюджетного федерализма, что подразумевает его эволюцию на основе нормативно — правовых актов с меньшей юридической силой.
- 2) федеральный характер обеспечения прав и свобод муниципальных образований в бюджетной сфере, что подкреплено статьей 132 Конституции Российской Федерации, при этом в Германии данный вопрос отнесен к компетенции субъектов.

Относя российский бюджетный федерализм к немецкой модели фискального выравнивания следует отметить, что наша страна не обладает специальным документом, который регулирует все вопросы бюджетного распределения. Поэтому данный пробел восполняет Бюджетный Кодекс РФ и другие нормативно-правовые акты РФ.

Важным изменением Бюджетного Кодекса, касательно бюджетного федерализма стала отмена, в 2004 году, обязательной 50-процентной доли объема доходов субъектов федерации в общем доходе бюджетной системы государства, что распределило субъекты на две группы: субъекты — доноры и субъекты — реципиенты, при этом количество последних в 6,72 раза превышает количество субъектов — доноров.

Если продолжить тему особенностей развития Российской системы бюджетного федерализма, то как раз-таки вышеуказанная ситуация является негативной особенностью данной системы. Это могло быть вызвано рядом причин, к примеру: разница в экономическом уровне субъектов, отдаленность от центральных районов страны, наличие регионов с труднодоступными территориями, в частности регионы Крайнего севера. Не следует исключать и излишнее скопление полномочий у федерального центра, который часто определяет направления расходов субъектов федерации и муниципальных образований, часто не интересуясь их идеями и пожеланиями

Наличие данных проблем и медленный процесс их решений способствует образованию крупных финансовых задолженностей, как у субъектов федерации, так и у муниципалитетов, что заставляет их искать пути покрытия финансового дефицита, чаще всего путем получения бюджетных кредитов. Данная практика особенно распространяется в периоды опубликования майских указов Президента, на исполнения которых берутся новые кредиты. Не следует забывать, что государство следит и пытается принимать меры по урегулированию вопросов бюджетного федерализма. Так государство, в лице и законодательных и исполнительных органов проводит программы по предоставлению отсрочек субъектам и муниципалитетам на выплаты кредитов, их реструктуризации, а также пытается привести в порядок систему дотаций для регионов, что способствует развитию их собственной налоговой базы.

Приведенное исследование позволило выявить наличие проблем в структуре бюджетного федерализма, а также то, что государство о них информировано и стремится к их решению. Приоритетными направлениями видятся достижение баланса в бюджетном развитии между федерацией и субъектами и его поддержание, а также повышение эффективного взаимодействия всех частей бюджета на разных уровнях. Но, все же, представляется, что на краткосрочный период каких-либо кардинальных решений вышеуказанных проблем не предвидится.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азрилиян А. Н. Большой экономический словарь. М., 1994.
2. Идрисов Ш. А. На пути к бюджетному федерализму: российский и мировой опыт функционирования // *AmericanScientificJournal* 2016. No. 2. Vol. 1. С. 86–90
3. Мухачев В. М. Бюджетный федерализм: вопросы совершенствования межбюджетных отношений // *Ежегодник 2000: сборник научных статей*. С-Пб. 2000. С. 143.

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФРАНЧАЙЗИНГА

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Научный руководитель: Осипов А. О., к.ю.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

В России отношения франчайзинга закреплены в главе 54 ГК РФ, где франчайзинг обозначен понятием договор коммерческой концессии. По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). [8]

В. В. Витрянский писал, что это понятие по смыслу ближе остальных соответствовало английскому «franchising» [3]. Е. А. Козина полагает, что часть положений ГК противоречат признакам франчайзинга и что этим законодатель спутал два разных договора [5].

Несмотря на споры, российские суды часто применяют понятие франчайзинг. Н. Г. Вилкова приводит следующее понятие франчайзинга: «соглашение, согласно которому франчайзер предоставляет франчайзи в обмен на прямую или косвенную финансовую компенсацию право на использование комплекса прав промышленной или интеллектуальной собственности, относящихся, главным образом, к ноу-хау и коммерческим символам, а также на получение коммерческого или технического содействия в течение срока действия контракта» [2].

Важно отметить, что в настоящее время в мире нет единого подхода к законодательному регулированию франчайзинга.

Так, в ФРГ мы не найдем норм, регулирующих договор франчайзинга. К франчайзинговым отношениям применяются Германское гражданское уложение 1896 г. и Германское торговое уложение 1897 г. Суды, разрешая дела по спорам из франшизных соглашений, прибегают к аналогии закона, в частности, к нормам о торговых агентах. Стоит отметить, что распространности франчайзинга отсутствие специального закона никак не мешает: по данным Европейской Федерации франчайзинга, Германия является лидером по годовому обороту в области франчайзинга в странах ЕС.

По-другому устроено правовое регулирование данного института в Австралии. Здесь в 1993 г. был утвержден «Кодекс практики франчайзинга» [6], а также создан Административный совет, в котором обязаны регистрироваться франчайзеры. В Австралии франчайзинг име-

ет более широкое понимание, чем в остальных государствах. Под этот договор подпадают многие дистрибьюторские соглашения. Кодекс выделяет преддоговорный этап — информирование франчайзи за 7 дней; а также франчайзер должен попросить франчайзи удостоверяющий документ от юриста о том, что все условия соглашения разъяснены.

Возникают сложности при заключении международного франчайзинга. Исходя из этого, многие ратуют за создание международного договора о франчайзинге.

Так, Комиссия Международной Торговой Палаты по международным торговым обычаям разработала типовой контракт франчайзинга [4]. За основу взяли уже применяемые нормы других стран. Предполагалось, что этот типовой договор заменят национальные законы в сфере франчайзинга. Типовой контракт МТП не подходит к заключению промышленного франчайзинга.

Еще одна цель, которую преследует МТП это влияние на национальное право. В связи с этим необходимо выявить отличительные особенности типового франчайзингового контракта от договора коммерческой концессии в России. Важным отличием является необходимость указания точных сведений о сторонах в преамбуле договора. В частности, информацию о бизнес-формате франчайзера, об организации дистрибьютерской сети. Причиной таких рекомендаций является наличие на рынке так называемых франшиз-пустышек. У франчайзи есть обязательство по сохранению конфиденциальности, под которое подпадает информация, полученная от франчайзера и неизвестна публике. Франчайзи также обязуется застраховаться от всех рисков на страховой интерес франчайзера.

В 2002 году УНИДРУА (Международный институт частного права) принял модельный закон о раскрытии информации о франшизе [7]. Этот акт подробно расписывает рекомендуемый способ проведения преддоговорного этапа. Он предусматривает наличие документа раскрытия, предоставленного потенциальному франчайзи в письменном виде не позднее 14 дней подписания соглашения и платежа. Информацию можно разделить на несколько групп: 1) о самом правообладателе; 2) суть франшизы; 3) опыт других франчайзи; 4) описание рынка. Предполагается, что данный акт применим и к внутреннему, и к международному франчайзингу.

Таким образом, многие акты национального права содержат нормы о преддоговорном информировании франчайзи. Об этом говорят и ученые: А. Ф Багдасарян свою работу посвятила изучению преддоговорного этапа [1]. В главе 54 ГК РФ не содержатся подобные нормы. Поэтому возникает вопрос о необходимости внесения изменений в современное российское регулирование договора коммерческой концессии. Так, в 2014 году в ГД ФС РФ был внесен проект ФЗ «О франчайзинге», но он не нашел поддержки у депутатов. Инициаторы считали, что данный законопроект поможет сократить количество недобросовестных франчайзеров и франчайзи на рынке.

Данная проблема могла бы решиться принятием международного договора о франчайзинге, который регулировал бы и внутренний, и международный франчайзинг. Это бы исключило сложности заключения международного франчайзинга. Так, сейчас при выборе юрисдикции государства участники сталкиваются с коллизиями норм, что в итоге приводит к ущемлению интересов одной из сторон договора. Поэтому важно инициировать выработку унифицированного международного акта о франчайзинге.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян А. Ф. Договор коммерческой концессии. Гражданско-правовые проблемы заключения договора. М.: Статут. 2009
2. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут. 2004
3. Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении и оказании услуг. М.: Статут. 2002
4. Пер. с англ. Смирновой Е. В. Типовой контракт международного франчайзинга МТП. М.: Консалтбанкир. 2002

5. Козина Е. А. Гражданско-правовое регулирование предоставления комплекса исключительных прав по договору франчайзинга. Дис.... канд. юрид. наук. Москва. 2005
6. Trade Practices Regulations.
7. www.unidroit.org
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496.

К ВОПРОСУ О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБоев

Куприянов Кристиан Евгеньевич

Научный руководитель: Ефимова М. П., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит несколько статей, вызывающих широкую дискуссию в научной среде, среди практикующих юристов и в обществе в целом. К таковым, безусловно, можно отнести статью 116 УК «Побои» и трансформацию, которую она претерпела в 2016–2017 гг, благодаря законодателям. В этот период статья дважды подверглась декриминализации. Изначально основной состав статьи был декриминализован (сейчас он охватывается статьей 6.1.1 КоАП РФ), взамен она была дополнена новым квалифицирующим признаком — совершением преступления в отношении близких лиц. Однако эта поправка вызвала недовольство у части российского общества, религиозных организаций, части крупных СМИ и т. д., в результате этот признак вскоре упразднен. Параллельно с этим Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», которая позиционировалась как сдерживающий фактор.

По данному вопросу аргументы представляют и сторонники, и противники изменений, однако нельзя не заметить, что значительная часть аргументации в поддержку изменений либо является умозрительной (наиболее очевидный пример здесь — аргумент о наказании за шлепки), либо апеллирует к религии и традициям. Имеются и более серьезные доводы, например, указания на размытость определения «близкие лица» в упраздненной редакции статьи, несоблюдение на тот момент принципа справедливости в санкциях к статьям 115 и 116 УК [1], а также на ряд гарантий, которые предоставляет потерпевшему КоАП, поскольку производство по данному составу административного правонарушения схоже с производством по делам публичного обвинения в уголовном процессе (ранее статья 116 УК относилась к делам частного обвинения).

Аргументация против такой декриминализации представляется гораздо более убедительной. Во-первых, основной состав побоев считался уголовно-наказуемым деянием на протяжении всего периода новейшей истории, неизменно присутствуя во всех уголовных кодексах советской эпохи. Во-вторых, опыт зарубежных стран по данному вопросу практически однозначен — основной состав побоев считается преступлением в США, Великобритании, Германии, Франции, Южной Корее и многих других странах. Среди стран СНГ побои криминализованы в Эстонии, Украине, Армении, Грузии, Узбекистане и Таджикистане, а также относятся к категории уголовных проступков в Киргизии. Во многих из вышеперечисленных стран нанесение побоев близким лицам выступает либо квалифицированным составом, либо

самостоятельным составом преступления. В-третьих, декриминализация привела к резкому ослаблению сдерживающего фактора, что подтверждается статистическими данными. Побои и до реформы были достаточно распространенным составом, так, в 2016 году 81646 зарегистрированных преступлений по данной статье составили 3,8% всех зарегистрированных преступлений [2]. После декриминализации, по словам В. А. Колокольцева, министра внутренних дел РФ, только с января по сентябрь 2017 года сотрудниками полиции было зарегистрировано свыше 164 тыс. правонарушений по фактам нанесения побоев [4]. Назначение по большинству выявленных случаев наказания в виде штрафа (причем весьма небольшого), а также отсутствие последствий в виде судимости приводит к формированию у правонарушителей чувства безнаказанности. Статья 116.1 УК РФ эффективной гарантией не выступает, поскольку она относится к делам частного обвинения, то есть потерпевший находится в более выгодном положении в производстве по делу об административном правонарушении нежели, чем в уголовном процессе. Фиктивность подтверждается и крайне малым количеством зарегистрированных по данной статье преступлений: 64 в 2016 году (август — декабрь) и 1742 в 2017 году [3].

Представляется, что проблему декриминализации побоев стоит рассматривать и через призму семейного насилия. Статистика МВД последних лет показывает стабильный рост преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении членов семьи, значительную часть которых составляли побои [5]. Ситуация усугубляется тем, что в России, в отличие от большинства стран мира, отсутствует закон, предусматривающий усиление предупреждения криминального внутрисемейного насилия. Россия является и единственной страной — членом Совета Европы, которая не подписала и не ратифицировала Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье 2011 г., которая помимо прочего предусматривала криминализацию семейного насилия в качестве отдельного состава преступления (на постсоветском пространстве данный состав есть в уголовном законодательстве Эстонии, Украины, Молдовы и Грузии). В нашей стране слабо развиты кризисные и реабилитационные центры, оказывающие жертвам семейного насилия психологическую и юридическую помощь и телефоны доверия, а крайне важный институт охранного ордера — решение суда или правоохранительного органа, запрещающее правонарушителю в течение определенного срока приближаться к жертве, находиться с ней в одном помещении, пользоваться совместным имуществом и т. д. с целью обеспечения её безопасности и исключения какого-либо давления на нее — и вовсе отсутствует.

Таким образом, можно прийти к выводу, что большой убедительностью обладает позиция, выступающая за ошибочность принятого законодателем решения о декриминализации побоев. По нашему мнению, представляется правильным возвращение к ситуации, когда уголовное наказание предусматривается как минимум за совершение побоев в отношении близких лиц, а также принятие отдельного Федерального закона «О противодействии семейному насилию».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гримальская С. А. Об эффективности новой редакции ст. 116 УК РФ «Побои» // Сборник по итогам II Ежегодной научно-практической конференции «Проблемы эффективности права». 2017. С. 55–59.
2. Варыгин А. Н., Матушкин П. А. Побои и истязания в структуре российской преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 6–10
3. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5. С. 60–63
4. МВД России — <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11866151>
5. Федеральная служба государственной статистики — http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/7-25.xls

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Максимова Людмила Николаевна

Научный руководитель: Гоголева А. Я., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Преступления против собственности — это противоправные умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на чужую собственность и причиняющие материальный ущерб собственнику или иному владельцу материальных благ.

Имущественная преступность несовершеннолетних представляет собой социально-правовое, относительно массовое явление. Она складывается из преступлений против собственности, предусмотренных главой 21 Уголовного Кодекса Российской Федерации, совершаемых лицами в возрасте 14–18 лет, а также лиц, совершающих данные преступления. Имущественная преступность несовершеннолетних является частью преступности несовершеннолетних в целом; ее характеризуют, как и другие виды преступлений, такие показатели: состояние, структура, динамика.

В данной статье актуализирована тема развития имущественных преступлений, совершаемых несовершеннолетними на территории РС(Я), поскольку с каждым годом их показатель растет, что подтверждается официальной статистикой МВД по РС(Я). Также нами был проведен углубленный криминологический анализ имущественной преступности несовершеннолетних на территории РС(Я), выявление причин и условий ее порождающих, подробное изучение личности имущественного преступника, формулирование основных направлений предупреждения имущественной преступности несовершеннолетних, разработка предложений, направленных на повышение эффективности мер предупреждения имущественной преступности несовершеннолетних.

Актуальность данной темы состоит в том, что имущественные преступления несовершеннолетних (кражи, грабежи, разбои, вымогательства, мошенничества, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, хищение предметов, имеющих особую ценность и т. д.) в структуре общей преступности традиционно всегда занимали и занимают заметное место.

Тема криминологического анализа имущественных преступлений, совершаемых несовершеннолетними именно на территории РС(Я), затрагивается не многими учеными, юристами. В своем труде «анализ состояния подростковой преступности на примере РС(Я)» А. И. Васильева писала о том, что «подростковая преступность — это опасное негативное явление, отражающее социальную, экономическую и политическую ситуацию в стране. Она как негативно-социальный феномен до сих пор остается актуальной проблемой современного общества». Притом в своем труде она выделила, что «в структуре подростковой преступности преобладающую часть составляют преступления против собственности или 85,7%, основную долю которых составляют кражи (74,15%)». С высказыванием А. И. Васильевой трудно не согласиться, так как в нем содержатся основные аспекты такого явления как подростковая преступность. Однако подростковая преступность — это не только особо опасное негативное явление, отражающее социальную, экономическую и политическую ситуацию в стране, но и то явление, ко-

торое, прежде всего, порождается от негативных социально-экономических детерминантов. Это объясняется тем, что преступность несовершеннолетних как особо опасное негативное явление, по мнению Х. М. Шахбановой, имеет свои причины. Причины — это негативные социально-психологические детерминанты, включающие элементы экономической, политической, правовой, бытовой психологии на разных уровнях общественного сознания, порождающие преступность как следствие.

Представление о нравственно-психологической характеристике личности дают наиболее существенные в криминологическом плане свойства и качества личности, а именно ценностные ориентации, взгляды, убеждения, жизненные ожидания, отношение к нормам морали и права. Формирование личности несовершеннолетнего имущественного преступника происходит в учебной, трудовой и иной общественно-полезной деятельности. Перед совершением преступления, как показывает практика, 91,5% несовершеннолетних преступников учились, при этом почти третья часть из них (32,3%) иногда подрабатывали, 5% — работали. [5, 21–23]. Как отмечал советский педагог В. А. Сухомлинский, отношение несовершеннолетнего к учебе и труду позволяет увидеть моральный портрет подростка. При поступлении сообщения о совершенном преступлении практически единственным источником криминалистически значимой информации, содержащим сведения о лице, его совершившем, является уголовно-правовая квалификация деяния. В результате проведенных совместно с Ч. Ломброзо исследований, Э. Ферри предложил классификацию преступников, согласно которой все преступники подразделяются на пять групп: преступники душевнобольные, преступники прирожденные, преступники привычные или по приобретенной привычке, преступники случайные, преступники по страсти [6, 148]. С точки зрения В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова, «типология несовершеннолетних преступников строится на сопоставлении данных: о проявившихся (в отношениях и действиях подростка, образе жизни, связях, поведении и т. д.) его потребностях, интересах, взглядах, чертах характера, мотивации поведения» [4, 61].

Показателем преступности является количественно-качественная характеристика. Состояние преступности определяется следующими критериями: динамика преступности (изменение состояния преступности за определенный период); структура преступности (удельный вес, соотношение отдельного вида преступлений в целом за определённый период); характер преступности (объект преступления, мужская, женская, подростковая преступность, групповой характер преступности, мотивация преступника) [5, 24–26]. По совокупности данных критериев составляется достоверное представление о состоянии преступности в стране и в отдельном регионе. Республика Саха (Якутия) занимает 41 место в рейтинге по показателю преступлений, совершенных несовершеннолетними

По данным Информационного центра МВД по РС(Я) имущественные преступления несовершеннолетних регистрируются из года в год и каждый раз имеют разные показатели. Так, например, по итогам 2015 года (январь-декабрь) несовершеннолетними или при их соучастии совершено 556 преступлений, из них тяжких — 110. Удельный вес подростковой преступности составил 6,9%. В два и более раза превышает среднереспубликанский показатель удельный вес подростковой преступности в Оленекском (27,6%), Олекминском (17,5%) и Аллаиховском (14,0%) районах. Наибольшее увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними отмечено в Олекминском (+в 5,4 раза; 8/43), Оленекском (+в 2,7 раза; 3/8), Мирнинском (+в 2,5 раза; 11/28), Ленском (+в 2,1 раза; 23/48) районах и г. Якутске (+57,1%; 91/143) [2].

По данным МВД по Республике Саха (Якутия) по итогам 2016 года на территории республики зарегистрировано снижение подростковой преступности на 14,2% (с 556 до 477), что равно показателю 2014 года, удельный вес раскрытых преступлений с участием несовершеннолетних уменьшился с 6,9% до 5,7%. В структуре подростковой преступности преобладающую часть составляют преступления против собственности или 85,7%, основную долю которых состав-

ляют кражи (74,15%). 59,8% подростков, совершивших имущественные преступления, относятся к возрастной группе 16–17 лет, 40,2% — от 14 до 15 лет. Среди имущественных преступлений, по количественному показателю грабежи занимают второе место — 10,5%. Следующим по объему совершенных имущественных преступлений являются неправомерные завладения транспортными средствами — 10,0%. Объектами преступных посягательств несовершеннолетних являются личное имущество граждан (деньги, продукты питания, носимые вещи, мобильные телефоны), на втором месте — велосипеды, автомашины и т. д. При угоне транспортных средств у подростков широкой «популярностью» пользуются автомашины и мотоциклы отечественного производства, у которых легкий доступ и отсутствуют сигнализации и противоугонные средства. Число лиц женского пола, совершивших преступления, составляет 10,4% от общего числа несовершеннолетних участников преступлений. Наибольшее число преступлений несовершеннолетними совершено в 4 квартале 2016 года, что составило 32,5% от общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними (155 преступлений) [2].

В январе-декабре 2017 года отмечен рост на 5,7% преступлений, совершенных несовершеннолетними, то есть с 477 стало 504. Из преступлений против собственности несовершеннолетними совершено 44 грабежа и 78 угонов транспортных средств. При этом, снизилось количество вымогательств (с 12 до 6) и краж чужого имущества (с 303 до 293). Рост подростковой преступности зафиксирован в 13 районах. Значительное увеличение подростковой преступности отмечено в г. Якутске (120/180), Верхоянском (6/25), Чурапчинском (6/11), Кобяйском (1/11), Оленекском (1/5), Хангаласском (12/18), Алданском (27/34) районах [2].

В течение 2018 года (январь-декабрь) отмечено снижение на 7,7% числа преступлений, совершенных несовершеннолетними с 504 по 465. Их доля в общем числе раскрытых преступлений снизилась с 5,9 до 5,6%. Вместе с тем в имущественных преступлениях увеличилось количество краж (+3,8%; 293/304), но при этом сократилось число грабежей (–34,1%; 44/29) и разбойных нападений (–50,0%; 10/5). Рост данного вида преступлений зарегистрирован в Оймяконском (5/12), Сунтарском (5/13), Аллаиховском (2/6), Нюрбинском (6/13) районах [2].

Изучение судебной статистики показало, что значительное место в структуре преступности несовершеннолетних занимали преступления против собственности. Несовершеннолетние больше всего совершали такие имущественные преступления, как хищения (кража, грабеж, разбой, мошенничество), вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон). Иные преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ (присвоение и растрата, хищение предметов, имеющих особую ценность, причинение имущественного ущерба и т. д.), среди несовершеннолетних не обнаружены. Как показывает статистика, преступления против собственности среди несовершеннолетних больше всего совершает такая возрастная группа: от 15-до 17 лет, и ими часто всего являются несовершеннолетние мужского пола. За совершение имущественных преступлений преступникам могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Основными причинами и условиями имущественной преступности несовершеннолетних являются: снижение ответственности родителей; недостатки в деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, связанные с отсутствием должной индивидуально-профилактической работы; не организованность подростков досугом и трудоустройством; социальное неблагополучие в семье; низкий уровень жизни; снижение эффективности воздействия институтов социализации (семьи, школы, трудовые коллективы); ослабление роли семьи, родителей в жизни подростка, которые играют главную роль в его становлении, развитии и формировании. К числу причин, способствующих криминализации несовершеннолетних, также следует отнести также широкий до-

ступ к информации, наносящей вред их здоровью и нравственному здоровью, интернет, разные социальные сети [3,1–2].

К основным направлениям предупреждения имущественной преступности несовершеннолетних могут относиться: разграничение уголовной ответственности за хищения несовершеннолетними; зачастую преступные действия несовершеннолетних, в том числе имущественного характера, сопровождаются применением физического насилия. В таком случае надо расширить комплекс психологических работ с несовершеннолетними, которые первоначально будут направлены на снижение уровня агрессии; необходимостью становится выявление факторов, которые провоцируют несовершеннолетних на совершение преступлений против собственности, в первую очередь, речь идет о социально-экономических мероприятиях, направленных на повышение уровня жизни несовершеннолетних; требуется расширение комплекса воспитательной профилактики среди несовершеннолетних.

Таким образом, имущественная преступность несовершеннолетних в структуре всей преступности несовершеннолетних всегда занимала и занимает значительное место. По статистическим данным из года в год показатель имущественных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, меняется, и это неудивительно. С развитием времени развивается и наше молодое поколение. Если в 2015 году имущественных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, было значительно мало, то уже в 2018 году — этот показатель заметно отличается. В структуре имущественной преступности по показателям всех годов доминировали кражи, доля которых составляла в основном 60% среди всех преступлений несовершеннолетних. Вторым распространенным преступлением был грабеж, доля которого составляла 25–30% среди всех преступлений несовершеннолетних. Стоит отметить и положительные изменения, которые произошли в имущественных преступлениях несовершеннолетних. Значительно снизились показатели таких имущественных преступлений как: неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), мошенничество и вымогательство, а также разбой. По результатам исследования можно выделить следующие направления профилактической работы: 1) работа с семьями, находящимися в социально-опасном положении, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и содержанию и отрицательно влияют на их поведение, либо жестоко обращаются с ними; 2) профилактическая деятельность в общеобразовательных учреждениях. Необходимо тесное взаимодействие учителей, социальных педагогов, родителей и школьных инспекторов; 3) привлечения к труду и организация досугом. Участие подростков в организованном досуге и трудоустройстве рассматривается как форма работы с подростками, которая оказывает положительное воздействие на общество, поскольку она уменьшает количество времени, которое может быть затрачено несовершеннолетними для участия в антисоциальной деятельности; 4) ограничить детей временем для просмотра интернета, разных социальных сетей и сайтов, а также телевидения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации Глава 14. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019);
2. Васильева А. И. Анализ состояния подростковой преступности на примере Республики Саха (Якутия) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 6. — С. 27–30. — URL://http://e-koncept.ru/2017/770018.htm.
3. Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М.: Юрид. лит., 1975. 270 с.
4. Логинова К. Ю. Имущественная преступность несовершеннолетних и меры ее предупреждения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное

право / К. Ю. Логинова; науч. рук. С. А. Елисеев. — Томск, 2015. — 24 с. — Библиогр.: с. 21–23. 17 // <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1603407>

5. Ферри Э. Уголовная социология: пер с ит. М.: ИНФРА, 2005. 658 с. // <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000388>

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Максимова Людмила Николаевна

Научный руководитель: Шадрин В. В., ассистент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Юрическое прогнозирование — это прогнозирование развития юридической сферы, форма познания будущего (желаемого) состояния государства и права. Оно является частью социального прогнозирования, который в свою очередь представляет собой анализ о возможных шансах формирования объектов, те процессов, явлений или состояния индивида. Юрическое прогнозирование характеризуется высокой степенью обоснованности, системности, логичности, дает информацию о влиянии определенных факторов, обстоятельств на развитие государственно-правовых явлений.

В данной статье актуализирована тема развития юридического прогнозирования в системе законодательства и в целом в юридической науке, поскольку на любом этапе развития государства и права требуется совершенствование такой функции права как прогноз. Также в статье представлен подробный анализ юридического прогнозирования, состоящий из понятия, сферы, видов, уровней, этапов, а также попытка предложить внести в качестве научного фундамента законотворчества самостоятельный прогностический этап законотворческой деятельности и разрабатывать на его основе план.

Актуальность исследования проблематики юридического прогнозирования вызвана следующими причинами:

Во-первых, в настоящее время увеличилось значение понятия научное планирование и прогнозирование, и существенно усилилось ее воздействие на ускорение социально-экономического развития страны. Во-вторых, юридическое прогнозирование является важнейшим регулятором общественного отношения, имеет особое значение, роль и ценность, которые невозможно недооценить. В-третьих, исследуя правовую надстройку, происходящие в ней под влиянием политических, экономических, идеологических и иных факторов и предлагая, в итоге, наилучшие пути развития государства, права, законодательства и его отраслей, юридическое прогнозирование способствует перспективно-долгосрочному подходу к решению важнейших проблем общества.

К сожалению, понятие юридическое прогнозирование знакомо не каждому человеку. Первые публикации по проблемам юридического прогнозирования появились в середине 60-х годов и были связаны с проблемами составления криминологических прогнозов, но широкое распространение в науке они получили лишь за последние 3–2 года. По сей день юридическое прогнозирование как социально-экономическое явление развивается, дополняется, подробно изучается, выявляются какие-то его определенные аспекты, черты, средства и направления развития.

Юридическое прогнозирование исследует свои определенные сферы. К ним относятся: правовые явления и процессы прошлого; социальные явления и процессы; действующие правовые явления и процессы; тенденции и перспективы развития действующих правовых явлений и процессов; желательное развитие действующих правовых явлений и процессов; регулятивный и пострегулятивный контроль за отклонениями действующих правовых явлений и процессов [2,3–4].

Каждая сфера юридического прогнозирования включает в себя следующие виды юридического прогнозирования: а) ретроспективный; б) фильтрующий; в) текущий; г) поисковый; д) нормативный; е) контролирующий; ж) постюридический; з) комплексный. Наряду с ними выделяют также чистые и встроенные юридические прогнозы [2,3–4].

По объектам юридического прогнозирования выделяют следующие его виды: государствоведческое прогнозирование (общий объект — государство); правовое прогнозирование (общий объект — право), криминологическое прогнозирование (общий объект — динамика преступности). В целом же говоря об объектах юридического прогнозирования надо сказать, что ими являются абсолютно все, начиная от законодательства и права и заканчивая объемом и характером правового регулирования, отношением граждан к тем или иным правовым явлениям, уровнем правоприменения [3,4]. Поскольку прогноз — это предсказание будущих перемен, то объектом прогностических исследований могут выступать процессы и явления, способные к изменению, развитию. Объект прогнозирования в обязательном случае должен обладать тремя признаками: 1) способностью к изменению, развитию; 2) наличием процессов изменения, развития, в которых закономерное превалирует над случайным, второстепенным; 3) оригинальным содержанием, которое формируется в реальной жизни помимо прогностических исследований [4,1–2].

Все уровни юридического прогнозирования определяются комплексным подходом к совершенствованию правовой системы. Первый уровень — это прогностическая оценка развития законодательства в целом. Особенное внимание здесь уделяется влиянию на современном этапе социальных проблем на развитие правовой системы, их взаимосвязь друг с другом и общую взаимозависимость. Второй уровень — прогностическая оценка развития и совершенствования конкретных отраслей права, их институтов и норм. Третий заключается в научном предвидении возможного поведения (правомерного либо отклоняющегося) субъекта права (общество, классы, коллективы, конкретные люди), который находится на стыке права и социологии [2,3–4].

Юридическое прогнозирование является основным базисом прогностической функции права, сутью которого является прогнозирование развития правового регулирования и планирование на этой основе законодательства всей страны на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

В силу своей актуальности тема юридического прогнозирования рассматривается в трудах многих ученых, юристов, правоведов. В своей работе К. В. Агамиров писал о том, что «юридическое прогнозирование является саморегулируемой частью (сквозным элементом) правовой системы, определяющей ее мониторинг — непрерывный процесс наблюдения за параметрами правовых явлений». С высказыванием профессора Агамирова трудно не согласиться, так как в нем содержатся основные аспекты данного понятия. Однако юридическое прогнозирование — это не только саморегулируемая часть правовой системы, но и ее ключевой фундамент. Это объясняется тем, что юридическое прогнозирование, по мнению Ю. А. Тихомирова, является основным базисом для улучшения качества нормативно-правового регулирования, повышения эффективности сферы государственного управления и выработки продуманных стратегических целей и задач в сфере юриспруденции. Абсолютна правильна также мнение А. В. Кашаниной о том, что «юридическое прогнозирование является сложной и довольно неоднозначной сферой познавательной деятельности, в процессе которой неизбежно будут возникать трудности и препятствия, преодолеть которые достаточно сложно. Проблемы возникают

не только и не столько в результате тех или иных предписаний нормативного правового акта, но и как итог действия других факторов, которые следует всесторонне учитывать».

Говоря о ценности юридического прогнозирования, невозможно не отметить, что она является, прежде всего, важнейшим регулятором общественного развития, играет главенствующую роль в юридической науке. Юридическое прогнозирование направлено на непрерывный мониторинг того, что есть (право в статике или онтология права), того, что движется (право в динамике или гносеология права), того, что должно быть (желательное право) и того, чего не должно быть (нежелательное право или аксиология права с отрицательным началом) [1,7]. Одним словом, юридическое прогнозирование отражает непрерывность права. Наряду с этим юридическое прогнозирование имеет научную и практическую ценность. Изучение будущих состояний правовых явлений проводится не ради любопытства, не только для того, чтобы ответить на вопрос, а что будет дальше, но и для того, чтобы правильно предвидеть будущие состояния правовых явлений и процессов, дать им надежную количественную и качественную характеристику, научную оценку будущего с точки зрения его соответствия закономерностям и процессам развития правовой системы и общества в целом.

Прогнозы имеют также важное значение для государства, его законотворческой и правоприменительной деятельности. Знание будущего является необходимым условием для правильного принятия государством, его органами самых разных правовых решений, поэтому надо сказать, что юридическое прогнозирование имеет существенное значение для законодательства, ибо на нем основывается планирование развития всего законодательства [8,24].

Прогнозные оценки законотворческой деятельности преследуют цель получить определенную информацию о направлениях и тенденциях дальнейшего развития законодательства, данные о том или ином его будущем состоянии [7,10]. В первую очередь, руководствуясь этим, юридическое прогнозирование в сфере законодательства направлено на получение:

- 1) выводов о тенденциях и путях дальнейшего развития законодательства;
- 2) определение важнейших проблем социального развития, связанных с основными направлениями деятельности государства и совершенствованием действующего законодательства;
- 3) определение общественных отношений, которые требуют законодательного регулирования;
- 5) выработку предложений по подготовке нормативно-правовых актов;
- 6) получение прогнозов в конкретных областях общественных отношений в процессе планирования законодательства (политических, экономических, социальных, демографических) [6,12–14].

В теории выделяют четыре уровня законодательного прогнозирования:

- 1) прогнозирование на уровне всего законодательства. На данном уровне идет анализ состояния единых, целостных свойств правовой материи, формирование такой законодательной базы, которая способствует общественно-экономическому прогрессу, а не тормозит его;
- 2) процесс прогнозирования отраслевого законодательства. Он предполагает разработку прогностической модели определенного законодательного акта. Его структура в обязательном порядке должна состоять из таких компонентов: концепция акта (обоснование необходимости его принятия, предмет правового регулирования, положения, отражающие основное содержание); структура акта, цель и задачи акта; средства по достижению цели и задач акта; возможные последствия принятия акта.

Третий и четвертый уровни — прогнозирование на уровне правового института и прогнозирование на уровне правовой нормы — предполагают прогнозирование целей, достигаемых институтом и нормой права, эффективности механизма их действия и обеспечивающих средств по выполнению стоящих перед ними задач [6,12–14].

При разработке планов законодательных работ ученые предлагают опираться на такие стадии этапа прогнозирования законотворческой деятельности, которые определяют: а) потребность в правовом регулировании новых общественных отношений, изменении, дополнении или отмене действующих норм; б) вид акта (закон, указ, постановление) и, соответственно, субъекта, принимающего акт (Государственная Дума, Президент, Правительство и др.); в) субъекта права законодательной инициативы или субъекта права принятия, изменения, дополнения или отмены соответствующего нормативного правового акта; г) ответственных за разработку проекта акта; д) срок внесения проекта акта в орган, обладающий правом законодательной инициативы, или представления субъекту, имеющему право на принятие, изменение, дополнение или отмену нормативного правового акта; е) порядок прохождения проекта акта (в том числе возможность всенародного обсуждения) и т. д. [5,7–8].

К сожалению, в настоящее время прогнозирование законодательной деятельности Российской Федерации отсутствует, а планирование ограничено лишь законопроектами, выносимыми на рассмотрение предстоящей сессии Государственной Думы. Представляется насущно необходимым предложить внести в качестве научного фундамента законотворчества самостоятельный прогностический этап законотворческой деятельности и разрабатывать на его основе планы на 5 (среднесрочный) и 10–15 лет (долгосрочный) для включения их в государственную программу, определяющую стратегию социально-экономического развития Российской Федерации.

Такая практика в Российской Федерации до сих пор отсутствует потому, что в России тот или иной нормативный правовой акт стараются принять как можно быстрее, скоропостижно, ничего тщательно не обдумывая и не анализируя. В Европе же, например, составляются методики оценки развития правовой сферы, изучаются цели законопроекта, средства, альтернативы достижения этой цели, просчитываются все издержки и выгоды, и только тогда, когда все эти показатели будут положительными, они принимают тот или иной закон, нормативно-правовой акт. Поэтому представляется необходимым внести в законотворчестве в качестве его научного фундамента отдельный самостоятельный прогностический этап, который бы позволил тщательно изучить все аспекты, возможности, плюсы и минусы рассматриваемого закона, нормативно-правового акта.

Таким образом, как мы и говорили раньше, на сегодняшний день юридическое прогнозирование является неотъемлемой частью всей юридической сферы, государства, права и всего, что с ними связано. Юридическое прогнозирование, обладая высокой степенью обоснованности, системности, логичности, структурности, дает возможность спрогнозировать будущее состояние государства, права, законодательства, давая при этом им качественную оценку их развития, преимуществ и аспектов. Юридическое прогнозирование, как и прогнозирование в целом нуждается в развитии и предпринятии мер для ее повышения, ибо от качественного прогнозирования зависит дальнейшее состояние всего законодательства. Понятно, что юридическое прогнозирование является сложной структурой, в процессе изучения которой неоднократно возникают трудности и вопросы, но я надеюсь, что в дальнейшем юридическое прогнозирование с помощью тщательного его изучения, преобразования и нахождения его оптимальных путей, оно в конце концов станет такой саморегулируемой частью юридической науки, без которой невозможно было бы представить ее существование.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агамиров К. В. Прогнозирование правового поведения: учебник М., 2017.
2. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования правовой системы // <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-prognozirovanie-kak-faktor-sovershenstvovaniya-rossiyskoy-pravovoy-sistemy>

3. Егорова Н. Е., Иванюк О. А. Правовая реальность и юридическое прогнозирование // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-realnost-i-yuridicheskoe-prognozirovanie>
4. Прогностическая функция: теория государства и права // <https://all-sci.net/gosudarstva-prava-teoriya/prognosticheskaya-funktsiya.html>
5. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. М., 2018.
6. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы, риски. М., 2015.
7. Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. 2017. № 5.
8. Юридическое прогнозирование // <https://studfile.net/preview/6704331/page:81/>

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В РОССИИ И В США: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Максимова Людмила Николаевна

Научный руководитель: Шадрин В. В., ассистент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Правовой статус личности является одной из центральных категорий общей теории права и отраслевых юридических дисциплин, и внимание правоведов к нему вполне понятно. Как явление социальной действительности правовой статус личности сложен и неоднороден. Права человека признаются высшей ценностью и охраняются большим количеством как международных, так и национальных правовых норм практически во всех государствах современного мира. Социальные проблемы в сфере детства вызывают особый общественный резонанс. Именно поэтому в последние годы в России усилилось внимание ученых, политиков, общественных деятелей, журналистов к проблемам правового положения несовершеннолетних. Дети — не только будущее, но и настоящее, не только национальная, но и общечеловеческая, ценность. Каждый ребенок и его родитель должен знать свои права и обязанности, чтобы вовремя встать на их защиту. Наиболее совершенной в плане защиты прав несовершеннолетних считается США. Мы решили сравнить систему защиты правового статуса несовершеннолетнего в Российской Федерации и в США.

Несовершеннолетние — это лица, не достигшие возраста, с которым связывается наступление дееспособности. В Российской Федерации несовершеннолетними считаются граждане, не достигшие 18 лет. Правовой статус человека — система признанных и гарантируемых государством (в законодательном порядке) прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека как субъекта права. Права и свободы представляют собой социальные возможности гражданина, признанные и обеспеченные государством, обязанности — притязания государства к гражданину, его поведению. Основные международные и внутренние государственные акты по защите прав ребёнка: Женевская Декларация прав ребёнка, 1924 г.; Декларация о правах ребенка ООН, 1959 г.; Конвенция о правах ребёнка ООН, 1989 г.

Сегодня в России права несовершеннолетних регулируются следующими основными законами: Конституция РФ; семейный кодекс; федеральный закон об образовании; закон об ос-

новых гарантиях прав ребенка в РФ; закон о дополнительных гарантиях социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; закон о социальной защите инвалидов в РФ. Основным актом о правах ребёнка в России является Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», который устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией.

В разных штатах США действуют различные законы и правила по защите детей. Соответственно, различаются и методы применения этих законов. Однако, как оказалось, во всех штатах США любой человек имеет право сообщить соответствующим органам (в большинстве случаев полиции) о своих подозрениях в отношении дурного обращения с детьми, в 18-ти штатах подобные действия являются обязательными. Как правило, каждый предполагаемый случай насилия рассматривается сотрудником специального Агентства Защиты Детей «ChildProtectionServices» (CPS). Также в стране существуют учреждения социальной помощи детям, которые попали в трудную ситуацию. Исходя из этого, мы проанализировали большое количество информации из различных источников и сделали подборку сходств и различий между правами несовершеннолетних в России и в США.

Сходства между правами несовершеннолетних в России и в США

Россия	США
Право на жизнь	
Право жить и воспитываться в семье	
Право ребенка выразить свое мнение	
Право ребенка на свое имя, изменение имени и фамилии	
Имущественные права ребенка	
Право детей на охрану здоровья	
Право детей на образование	
Право детей на защиту от эксплуатации	
Право ребенка на индивидуальность	

Различия между правами несовершеннолетних в России и в США

Россия	США
Ребенок получает права после его рождения	Ребенок получает права до его рождения
Несовершеннолетний (ребенок) это человек до 18 лет	Несовершеннолетний (ребенок) это человек до 21 года
Юридическая (правовая) сила мнения ребенка наступает в десять лет	Юридическая (правовая) сила мнения ребенка наступает с «разумного уровня зрелости»
Детские дома	Дети, оставшись одни, практически сразу попадают в fosterную семью, те несовершеннолетние, нуждающиеся в опеке, передаются для воспитания в приёмную семью или в семейный детский дом на платной основе (содержание детей оплачивает государство).
Права взрослых ставятся намного выше, чем права ребенка	Права ребенка ставятся намного выше, чем права взрослых, что заставляет их быть более ответственным за своих детей и относиться к воспитанию подрастающего поколения с большим вниманием
Не во всех учебных заведениях	Бесплатное образование для детей-инвалидов
Обучение детей-инвалидов в специальных школах	Обучение детей-инвалидов в обычных школах
-	Помощь молодым родителям в воспитании детей (специальные органы объясняют, учат как надо правильно воспитывать детей)

Россия	США
Дети редко обращаются в организации по защите за помощью	Дети часто обращаются в организации по защите за помощью
Право на опеку ребенка выигрывает мама	Право на опеку ребенка выигрывает тот, кто может предоставить лучшие условия ребенку
Прерывание беременности может совершаться по желанию женщины (на сроках до 12 недель), по социальным показаниям (на сроках до 22 недель), а также по медицинским показаниям (на любом сроке)	Запрет на аборт на поздних сроках
Запрещено усыновлять детей однополым парам	В некоторых штатах разрешено усыновлять детей однополым парам
Нет такой практики	Один из родителей, который получает право на опеку над ребенком, может не допустить другого к каким-либо контактам с их ребенком, опираясь на судебный запрет
Не так часто усыновляют детей, тем более из других стран	Если ребенок остается один, то здесь найдется множество желающих стать для него опекуном. В том числе распространена практика усыновления детей из других стран
Государство всячески поощряет повышение демографической ситуации, введя различные программы материальной помощи таким многодетным семьям. Существуют правительственные федеральные целевые программы (ФЦП), цель которых — создание благоприятных условий для развития детей, обеспечение защиты их прав	Считается, что тем больше детей в семье, тем меньше внимания и материальной поддержки уделяется ребенку
Такой принцип не действует	Считается грубым нарушением прав ребенка не только физическое и психическое насилие над ребенком, но и, например, оставление без присмотра
Такое преступление может караться штрафом, условной судимостью или арестом на 15 суток	Главе семьи, применившему насилие, на две недели запрещен доступ в дом и любые контакты с женой и детьми
Считают, что семья и семейные отношения — это личное дело каждого и посторонним не следует туда вмешиваться	Не только сами дети часто обращаются в ювенальную юстицию, на телефон доверия с жалобами на родителей, но и окружающие их взрослые обязаны обращаться в полицию при малейшем подозрении на нарушение прав детей
В России есть также различные социальные программы помощи и адаптации детям-инвалидам, умственно отсталым, но чаще всего обучение таких детей идет отдельно, в специально организованных центрах, учреждениях	Главной правовой нормой считается право ребенка на интеллектуальное развитие и обучение, вне зависимости от его способностей. Эта норма дает неопровержимые права детям-инвалидам, особенно умственно отсталым. Дети-инвалиды, в возрасте от 3 до 21 года, имеют право на бесплатное образование. Каждый подобный ребенок должен обучаться по особой, индивидуально составленной программе. В Америке такие люди живут в социуме и отношение к ним такое же, как к любому обычному человеку
В России дети из других стран также получают бесплатное общее образование, но отдельных программ помощи в учебе для них не предусмотрено	Право на общее образование в США распространяется также на детей иммигрантов. Многие дети из семей «новых американцев» испытывают трудности в общении на английском языке. Школа обязана предоставить детям иммигрантов отдельные курсы английского языка
Сдать экзамен на получение прав можно после достижения 17-летнего возраста. Независимо от того, в каком возрасте происходила сдача квалификационного экзамена, возраст получения водительского удостоверения — 18 лет	Минимальный возраст для получения водительских прав отличается в разных штатах, от 14 лет и 3 месяцев в Дакоте, до 17 лет в Нью-Джерси

В странах Западной Европы и США права и интересы ребенка защищает специальная судебная-правовая ветвь власти — ювенальная юстиция. Она включает в себя полицию, суды, прокуроров, обвинителей и социальные службы, занимающиеся защитой прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Также граждане США довольно часто пользуются услугами психологов, телефонов доверия. А в России защиту прав ребенка осуществляют: органы опеки и попечительства; комиссия по делам несовершеннолетних; органы прокуратуры и суды; комитет по делам семьи и детства; комиссия по делам несовершеннолетних.

Таким образом, мы видим, что и в России и в США система правозащиты детей находится на хорошем уровне. Различаются скорее механизмы защиты и разное отношение к ее нарушениям, но все же одной из наиболее показательных стран по защите прав несовершеннолетних, безусловно, является США, потому что там существует большое количество законов и актов, принятых в интересах детей, их права и обязанности, интересы стоят выше, чем права взрослых. Тут очень ответственно подходят к защите прав ребенка, особенно в семье. Существует множество программ для оказания помощи несовершеннолетним, детям-инвалидам, а также детям, попавшим в трудную ситуацию. Также особое внимание уделяют интеллектуальному развитию и обучению ребенка, получения его образования. В ходе исследования и сравнительного анализа, мы пришли к выводу о том, что несовершеннолетние в США обладают большими правами, чем в России. Например, если ребенок не доволен своей семейной ситуацией, то он имеет право отказаться от своих родителей или опекунов, и суд в этом его поддерживает. Также здесь водительские права дети могут получить уже с 14 лет, в России же строго с 18 лет. Точно также права несовершеннолетних в России находится на хорошем уровне, существует множество законов, которые защищают права ребенка, но многие из них, к сожалению, несовершеннолетние, требуют поправок и дополнений. В связи с тем, что Америка имеет больший опыт по защите прав ребенка в семье и более совершенно исполняет его на практике, России есть чему у нее научиться и перенять. Например, принцип обучения детей-инвалидов не в специальных учреждениях, а именно в обычных школах, потому что они тоже обычные люди. Как и мы, они должны жить в социуме и отношение к ним должно быть такое же, как к любому обычному человеку. За меры, которые в России называют «воспитательными» (шлепнул ребенка, накричал и т. п.) в США могут забрать ребенка из семьи. Этот подход, на наш взгляд, тоже можно использовать в России, так как в наше время существует очень много случаев, когда родители применяют этот «воспитательный метод» к своим детям не самым хорошим образом. Кроме того, огромное значение имеет осведомленность детей о своих правах и о том, куда можно обратиться в случае их нарушений. Но вместе с тем есть что перенять и поучиться США у России. Например, здесь родители сами решают, как воспитывать и обучать своего ребенка, ибо каждый ребенок индивидуален по-своему, каждому требуется особый подход. У них же методы воспитания и ухода за ребенком выработаны специальными службами и одинаковы для всех, что, на наш взгляд, не очень хорошо. Также в России существуют правительственные федеральные целевые программы (ФЦП), которые предоставляют детям и их родителям разные возможности, помогают им материальной помощью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019), гл. 11 ст. 54–60 // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru>

4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс

5. Постановление Правительства РФ от 28.03.2019 N343 «Об утверждении нормативов затрат на обеспечение дополнительных гарантий прав на образование детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей...»

6. Женевская Декларация прав ребёнка, 1924 г.

7. Декларация о правах ребенка ООН, 1959 г.

8. Конвенция о правах ребёнка ООН, 1989 г.

9. Права ребенка // <http://files.school-collection.edu.ru>

10. Права ребенка по-американски. Защита прав детей // <http://www.school-city.by>

11. Конвенция о правах ребёнка // <http://ru.wikipedia.org>

12. Опыт социальной защиты детей в США // <http://www.lawbooks.news>

Научный руководитель: Шадрин В. В., ассистент

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Николаев Алексей Андреевич

Научный руководитель: Левочки В. В., к.ю.н., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

В настоящее время существует большой пробел в правовом регулировании наследования цифровых прав по причине новизны данной категории как объекта гражданских прав. Наследование цифровых прав вызывает вопросы относительно объекта наследования и получение доступа наследников к «цифровому активу».

В законе указано то, что цифровые права — это те права, которые названы таковыми в законе обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1], а именно:

1. право требования передачи вещи,

2. право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности

3. право требования выполнения работ и (или) оказания услуг

Под законом в данном случае понимается Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Согласно пояснительной записке федерального закона, указанному выше, законодатель вкладывает в понятие цифровых прав достаточно узко, а именно токен [3]. В IT-лексиконе под токеном подразумевается уникальное физическое устройство для аутентификации, имеющие предназначение для удостоверения личности пользователя на «инвестиционной платформе». Можно воспринимать как электронный ключ.

Сразу же встает вопрос. Должен ли наследовать гражданин сам токен или какой-либо иной объект? На этот вопрос есть несколько точек зрения.

С. В. Сарбаш, например говорит о том, что закон вводит юридическую фикцию и то, что цифровых прав не существует, мотивируя это тем, что необходимость данных категорий не обоснована. [4] Данная точка зрения представляется мне отрицающей существующие общественное отношение, полностью не урегулированное правом. Законом предусматривается защита граждан и юридических лиц, специфичность оборота внутри «инвестиционной платформы» дает большое количество возможностей для мошенничества. Законодатель стремится урегулировать данные отношения, что представляется необходимым.

Другие авторы, такие как Ю. Харитоновна и Л. Санникова говорят о том, что цифровой актив обладает своей собственной экономической ценностью, а токен в данном случае подтверждает полномочия на доступ к коду [2]. В действительности, если токен перечислен как отдельный объект гражданских прав, то он может представлять собой объект наследования. Токен, в большинстве случаев, это подтверждение правомочия лица на распоряжение, а как мы знаем, согласно ч.2 ст. 141.1 обладателем цифрового права признается лицо, имеющее возможность распоряжения. Без токена невозможно было бы установить факт обладания наследодателем цифровым активом (данную категорию использует автор статьи «Наследование цифровых прав» Яценко Т. С.).

Но существует также вторая проблема. Представлена она в виде того, что из-за технических особенностей, для наследников проблематично становится получить доступ к цифровому активу или само установление факта его существования. Такими техническими особенностями называют:

1. выпуск токенов не требует каких-либо формальностей
2. распределяется, передается без участия посредников [5].

Выходит так, что плюсы использования цифровых прав становятся осложняющими обстоятельствами при наследовании.

Яценко пишет, что «если наследодатель не оставил информацию и код доступа, то с юридической точки зрения токен включается в наследственную массу и передается наследнику, а с технической — этого не происходит, поскольку отсутствие у наследника уникального доступа к распределенному реестру автоматически означает отсутствие у него и цифрового права» [5]. В зарубежной практике данную проблему хотят решить введением цифрового хранилища, в котором клиенты могли бы хранить свои цифровые данные.

Таким образом в вопросе наследования цифровых прав остаются пробелы в правовом регулировании, по причине особенностей окружающей информационной среды, усложняющие решение установления их правового положения. Наследование затруднено, требует регулирования множества переменных. Главная проблема — банальное получение доступа к цифровому активу, который может быть безвозвратно утерян.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС КонсультантПлюс
2. Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. N 9. С. 86–95.
3. Официальный сайт Государственной Думы [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/\\$FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/$FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement) (Дата обращения 15.03.2020)
4. Сайт Исследовательского Центра Частного Права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (Дата обращения 15.03.2020)
5. Яценко Т. С. Наследование цифровых прав https://urfac.ru/?p=2588#_ftn8 (Дата обращения 15.03.2020)

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нифонтов Юрий Юрьевич

Научный руководитель: Левочки В. В. к.ю.н., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Институт компенсации морального вреда является одним из основных в правосудии в области соответствующего возмещения и восстановления нарушенных прав. В Российской Федерации данный институт не приобрел широкого использования как, например, в Европе и странах общего права. В данном случае актуальность данной проблемы заключается в моральном устаревании данного института в нашей стране. В первую очередь необходимо выделить то, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этому поводу был в 1994 году, то есть прошло уже более 26 лет.

Новизна темы научного исследования заключается в необходимости обновления данного института под требования рыночных отношений, которые уже достигли определенной планки с момента перехода России с плановой системы в данный вид отношений.

В первую очередь необходимо выделить две основные проблемы данного института в нашей стране, такие как отсутствие определенной системы для выявления суммы компенсации, материальное доказывание причинения морального вреда.

Первая проблема, а именно отсутствие системы для выявления суммы компенсации, заключается в скованности судов. Среди судий уже закрепились практика установка суммы компенсации по аналогии дел, то есть судья не превышает и не занижает сумму по аналогичному делу. В этом случае у судий появляются определенные рамки в сумме компенсации. Вследствие этого судья не может быть максимально объективен и не может рассматривать дело по отдельности от остальных, постоянно сверяясь с суммами по аналогии дел. Следует уточнить, что нигде не закреплено использование аналогий дел, для установки суммы компенсации морального вреда. Решением данной проблемы может быть законодательная установка рассмотрения каждого дела по отдельности без оглядки на аналогичные дела.

Вторая проблема заключается в материальном доказывании причинения морального вреда. Данная проблема вытекает из Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а именно п.2 где нет исчерпывающего перечня или списка видов морального вреда, а приведен лишь примерное их перечисление. По существу, такой список составить в принципе не возможно, особенно когда технологии, а вместе с ним и способы взаимоотношения людей меняются. То есть со временем появляться такие правоотношения и способы воздействия на человека которые невозможно доказать материальным путем, то есть предъявление чеков или выписок специалистов. В данное время, по сути, гражданское законодательство прописывает общее условие, которое заключается в том, что моральный вред возмещается на точно таких же основаниях, что и ответственность за причинение имущественного вреда. Приемлемым способом решение данной проблемы заключается изменением законодательства, а именно возможности компенсации морального вреда в любом случае, если таковой был нанесен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: принята Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: принята Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 декабря 1995 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5.

ПРАВА РЕБЕНКА ПО ЗАКОНУ ДИМЫ ЯКОВЛЕВА

Петрова Туйаара Гаврильевна

Научный руководитель: Оглезнева Т. Н., к.и.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Усыновление (удочерение) детей является институтом семейного права. Кроме того, это юридический акт, который связывает усыновленного (удочеренного) ребенка с его приемными родителями правовыми отношениями в плане личного и имущественного характера. Вопросы, касающиеся устройства детей-сирот, в каждой стране решаются в соответствии своего законодательства. И в большинстве стран этот вопрос решается путем усыновления (удочерения).

Усыновление является одной из приоритетных форм устройства ребенка в семью, поскольку ребенок становится приравненным к правовому положению родного ребенка и теряет статус сироты. Некоторые авторы отмечают, что ребенок, прекращая быть сиротой, т. е. теряя статус сироты, лишается прав на государственную помощь и дополнительную социальную поддержку, что относится к интересам государства. Но считаю, что этот вопрос необходимо рассматривать в первую очередь со стороны морали и нравственности, так как ребенок в первую очередь должен расти в семье, поскольку это является первым и самым главным этапом социализации человека в обществе.

Российское семейное законодательство предусматривает усыновление детей, как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами. При усыновлении детей-сирот иностранными гражданами, гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории России, или лицами без гражданства допускается только в том случае, если детей было невозможно передать на воспитание в российские семьи [1]. К сожалению не все дети-сироты находят семьи, это зависит от многих факторов: от желания самого человека взять ребенка под ответственность, от демографии, от финансового состояния потенциальной семьи, но чаще всего, как практика показывает дети-сироты, имеющие проблемы со здоровьем и психикой имеют наименьшие шансы обрести семью в Российской Федерации. В данном случае, Минеева И. Н. Панфилов М. А. отмечают, что детей с серьезными проблемами со здоровьем и психикой, которые страдают детским церебральным параличом (ДЦП), синдромом Дауна, потерпевших тяжелый непоправимый вред здоровью, больных СПИДом, туберкулезом и т. д., чаще всего, усыновляют иностранные граждане [4]. Следует отметить, что законодательством Российской Федерации не предусмотрены ограничения по усыновлению детей в зависимости от состояния физического и психического здоровья. Если ответить на вопрос «почему иностранцы так стремительно пытаются усыновить российских детей?», то на примере Соединенных Штатов и ряда других стран по их судебной практике кровные родители легко могут вернуть свои родительские права и оспорить ребенка у приемной семьи. И это является одной из основных причин усыновления американскими гражданами детей из других стран.

Российское законодательство с 2012 года внесла следующие изменения, запрещающие передавать российских детей-сирот на усыновление (удочерение):

- гражданам США, а также органам и организациям, которые осуществляют деятельность по подбору и передаче детей-сирот России на усыновление (удочерение) гражданам США [2];
- лицам, которые состоят в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке.

Особый запрет по усыновлению (удочерению) российских детей установлен гражданам Соединенных Штатов Америки, этот запрет закреплен в Федеральном законе от 28.12.2012 № 272-ФЗ «о мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». По мнению властей Российской Федерации это связано со смертностью и жестоким обращением с российскими детьми в американских семьях. Согласно официальным данным, приведенным в «Российской газете» на период с 2006 г. по 2010 г. в США погибло 17 усыновленных российских детей в американских семьях [6]. По данным опубликованным в газете «Новые известия» в России на тот же период времени погибло 1220 приемных детей, из них 12 были убиты усыновителями, кроме того еще большее количество детей был подвергнуто насилию. Ключевым моментом, повлиявшим на принятия указанного закона, стало событие, произошедшее 8 июля 2008 года в штате Виргиния, когда в 32-градусной жаре погиб мальчик по имени Дима Яковлев, в возрасте 1,5 года оставленный приемным отцом на 9 часов в закрытой машине. Власти США прокомментировали действия со стороны Российской Федерации по принятию этого закона, как очередной повод политических игр. Они оценили это как ответные действия России на принятие в США «акта Магнитского».

Многие научные деятели критично относятся к указанному закону, аргументируя, тем, что он не соответствует общепризнанным принципам и нарушает права ребенка, а именно данный закон противоречит статье 2 и большей части Главы 2 действующей Конституции РФ. Кубарь И. И. и Мусаев М. Г. отмечают, что общественный резонанс и возмущение у многих людей вызвало не само принятие «закона Димы Яковлева», а статья 4, которая лишило право российских детей быть усыновленными гражданами США, что напрямую грубо нарушило права и свободы человека и гражданина, закрепленные как основы конституционного строя. Как авторы утверждают, до принятия указанного закона, гражданами США ежегодно усыновлялось около двух тысяч российских детей-сирот, усыновление которых в России было невозможным [3]. И отсюда следует, что после принятия данного закона каждый год число детей-сирот, усыновление которых невозможно в России, увеличивается с огромной скоростью. Положительные последствия этого закона, по увеличению социальных пособий и выплат практически никак не повлияло и не влияет на увеличение числа усыновителей в России, поскольку до сих пор не решен вопрос финансового благосостояния населения.

Семейное законодательство нашей страны в области усыновления (удочерения) детей требует совершенствования, поскольку внутри страны погибают и страдают дети не меньше, а даже больше чем вне территории России согласно официальным показателям. Необходимо, в первую очередь, признать «Закон Димы Яковлева» не конституционным, а также внести дополнительные гарантии по защите прав и интересов российских детей при усыновлении (удочерении) как гражданами РФ, так и иностранными гражданами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008

№6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Правовой сайт «КонсультантПлюс» URL: <http://www.СПС КонсультантПлюс>

2. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // [Электронный ресурс] — http://www.СПС КонсультантПлюс/document/cons_doc_LAW_8982/

3. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «о мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — http://www.СПС КонсультантПлюс/document/cons_doc_LAW_139994/

4. Кубарь И. И. Мусаев М. Г. «Закон Димы Яковлева»: социальные и правовые последствия принятия // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 143–151.

5. Минеева И. Н. Панфилов М. А. Проблемы усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2014. С. 271–274.

6. Тищенко И. В. Проблемы правового регулирования усыновления российских детей иностранными гражданами // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 1. С. 28–32.

7. Россия предлагает США «без истерик» ввести мораторий на усыновление детей // [Электронный ресурс] — <https://rg.ru/2010/06/18/usynovlenie-anons.html>

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Попова Христина Владимировна, Хадарова Юлия Иннокентьевна

Научный руководитель: Муталиева А. А., к.ю.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К Аммосова

Актуальность темы статьи обоснована тем, что в современной России в связи с продолжительным экономическим кризисом, неблагоприятным состоянием международного взаимодействия и политики, вводом США и Европейским союзом экономических и политических санкций против Российской Федерации, встает острый вопрос импорто замещения в Российской Федерации и развития экономики, а также вопрос развития малого и среднего предпринимательства, которому необходима государственная поддержка, так как именно субъекты малого и среднего предпринимательства приносят большую долю доходов государству в виде налогов, способствуют развитию экономики, повышению уровня жизни населения и ее занятости. В связи с этим необходимо исследовать проблемы правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства и предложить пути их решения.

Правовой аспект проблем субъектов малого и среднего предпринимательства исследован в научных работах многих авторов, в настоящей статье будут рассмотрены научные работы Бурова В. Ю., Ершовой И. В., Коноплева С. А., Косова В. В, Шишкиной А. А. Стоит отметить, что в указанных источниках проблемы правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства отражены не в полной мере, многие вопросы дискуссионные, проблемы, которые были выявлены в результате эмпирического исследования не обсуждаются в литературе. Фундаментальное и практически значимое исследование по теме правового положе-

ния субъектов малого и среднего предпринимательства провела Ершова И. В. в Монографии «Малое и среднее предпринимательство» 2014 г. [9]. Автор проанализировала законодательные и доктринальные подходы к определению понятия субъекта малого и среднего предпринимательства. Так изучив научную работу Ершовой И. В., можно определить некоторые проблемы и противоречия в правовом положении субъектов малого и среднего предпринимательства, с которыми можно согласиться, в частности, использование термина «хозяйствующий субъект» и «предприятие» при определении понятий субъектов малого и среднего бизнеса некорректно, так как данные понятия применяются также при определении некоммерческой организации и использовались в хозяйственном законодательстве социалистического периода. Необходимо различать субъекты малого и среднего предпринимательства от некоммерческой организации, целью которой не является получение систематической прибыли. Ершова И. В. провела исследование развития истории малого предпринимательства России и проанализировала этапы развития на примере классификации С. А. Коноплева [10], который предлагает авторскую классификацию исторических этапов возникновения и развития предпринимательской деятельности в России, выделяя 10 этапов: древнерусский, царский, предреволюционный, революционный, новая экономическая политика, социалистический, реставрация капитализма, систематизация законодательства, конституционный, современный. В результате анализа истории развития малого и среднего предпринимательства России, проведенного Ершовой И. В., можно предложить выделение будущего этапа развития — информационный этап, в связи с развитием информационных технологий и перехода малого и среднего бизнеса в сферу Интернет-бизнеса, а в связи с этим необходимостью совершенствования правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства в информационном правовом поле. Бугров В. Ю. в научной статье «Особенности влияния государства на экономическую деятельность субъектов малого предпринимательства в современной России» 2016 г. [8] анализирует государственную политику в области развития малого и среднего предпринимательства, сопоставляя основные цели Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ от 24.04.2007 г. реальному положению и состоянию данных целей в секторе малого и среднего предпринимательства. Можно согласиться с точкой зрения Бугрова В. Ю. относительно излишнего вмешательства государства в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, а также с противоречием целей Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ от 24.04.2007 г. с проводимой реальной политикой государства. По мнению Бугрова В. Ю. в РФ ограничивающее правовое и экономическое положение субъектов малого и среднего предпринимательства, в связи с чем высок рост теневой экономики (50% объема рынка), и до 85% «серой» зарплаты. Это препятствует второй цели ФЗ № 209-ФЗ в области обеспечения благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства. Необходимо скорректировать данные автора Бугрова В. Ю. относительно процента доли теневой экономики, так как по данным информационных газет на февраль 2018 г. Международный валютный фонд (далее — МВФ) опубликовал работу, оценивающую размеры теневой экономики в 158 странах мира на основании развивавшихся в 2010–2017 годах. Данные МВФ оценивают для России долю теневой экономики в пределах 33,7% ВВП. Шишкина А. А. в научной статье «Малый и средний бизнес: проблемы и перспективы развития» 2017 г. [12] анализировала проведенные мониторинги консалтинговыми фирмами по проблеме развития субъектов малого и среднего предпринимательства, в результате анализа было выявлено, что окупаемость данной категории предпринимательства снизилась в последние годы во многих сферах, увеличилась безработица и снижение зарплат. На государственную поддержку в 2018 г. могут рассчитывать семьи только с минимальным доходом. Так же автор отмечает, что Стратегии развития малого и среднего предпринимательства, утвержденные до 2030 года, а также деятельность Корпорации по развитию данной категории бизнеса будут

затруднены настоящей нагрузкой на бизнес в связи с налогообложением и внеплановыми проверками. Можно согласиться с Шишкиной А. А. относительно негативного фактора для развития малого и среднего предпринимательства — некомпетентность руководителя в области права, маркетинга и финансов. Автор отмечает, что на успешное развитие деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства влияют следующие аспекты и проблемы: — стартовый капитал (проблема — отсутствие института венчурного финансирования; — сроки выхода на прибыльность (зависят от вида деятельности); — налогообложение и заработная плата (проблема уплаты больших налогов, проблема «серых» зарплат); — кредитование бизнеса (проблема высоких процентных ставок по кредитам). Можно сделать вывод: государство должно изменить политику в области правового положения, финансирования и инвестирования в субъекты малого и среднего предпринимательства. Проанализировав научные труды других авторов, можно отметить противоречие точек зрения исследователей относительно положительного влияния современной политики (в том, числе налоговой) на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства. Так, Косов В. В. в научной статье «Проблемы в развитии малого и среднего предпринимательства в России» 2018 г. [11] указывает главные проблемы данной категории предпринимательства: — трудности при оформлении, регистрации и открытии счета в банке; — нехватка квалифицированных работников и производственных баз; — низкая правовая защищенность; — сложности с налаживанием связей с поставщиками; — недостаточность кредитов. Можно подвергнуть сомнению некоторые выявленные проблемы, в частности открыть счет в банке в 2018 г. предприниматель может самостоятельно онлайн, предоставив полный пакет необходимых документов по определенному перечню, а проблема недостаточности кредитов неуместна, скорее проблемой является отсутствие льготных процентных ставок по кредиту. Изучив и проанализировав научную литературу последних лет, современные проблемы, которые авторы озвучивают в исследованиях по вопросам правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства, а также исследовав реальное экономическое положение субъектов малого и среднего предпринимательства в 2017–2018 гг., можно сделать следующие выводы: на правовое положение субъектов малого и среднего предпринимательства негативно влияют несовершенство налогообложения, высокое налоговое бремя. Также негативно сказывается повышение страховых тарифов (с 26% до 30%) для предпринимательства, что приводит к увеличению масштабов уклонения от уплаты налогов и взносов малыми предприятиями, а также росту «серых» зарплат. Законодательно не урегулирован критерий допуска субъектов малого и среднего предпринимательства для кредитных организаций, необходимо закрепление понятия малой формы хозяйствования в законодательстве. В законодательстве не закреплены меры ограничения максимальной процентной ставки для малых форм хозяйствования. Можно положительно оценить введение «надзорных каникул», право на обращение к нотариусу для оказания помощи в госрегистрации, полномочия региональных органов на уменьшение налоговых ставок для субъектов малого и среднего предпринимательства. А такие нововведения, как штраф за предоставление недостоверных сведений при госрегистрации, ежеквартальный отчет по НДС, увеличение размера страховых взносов, индивидуальным предпринимателям в сфере производства необходимо соблюдать новые требования по охране труда, это все требует повышенного внимания и затрат предпринимателей, что, несомненно, не может не сказываться отрицательно на состоянии бизнеса. На начало 2018 г. в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» не установлены какие-либо льготы с целью поддержки малого и среднего предпринимательства. Необходимо закрепить в качестве одной из целей Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» содействие органов государственной власти и местного самоуправления развитию субъектов малого и среднего предпринимательства. Можно предложить регламентировать нормы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в области финансирования и субсидирования затрат, а так-

же поддержки организации средств, направленных на защиту коммерческой тайны. На начало 2018 г. в законодательстве не закреплено минимальное количество субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, а также не регламентированы требования к субъектам, оказывающим бесплатную юридическую помощь для малого и среднего предпринимательства. Необходимо выделение подготовки и переподготовки кадров для субъектов малого и среднего предпринимательства в одно из приоритетных направлений программ поддержки предпринимательства всех уровней, включая федеральный, региональный и муниципальный. В Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, с помощью которых государство могло бы стимулировать и осуществлять поощрение инновационной деятельности, необходимы предложения о внесении изменений относительно поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных отраслях экономики, а также в статью 22 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Не внесены изменения в ФЗ «Об аудиторской деятельности», что может привести к увеличению количества малых предприятий, подпадающих под обязательный аудит, и которые не смогут применять упрощенный порядок ведения бухгалтерского учета и составлять бухгалтерскую отчетность по упрощенной форме. Некоторые исследователи отмечают положительные изменения в связи с совершенствованием налогового законодательства, что уменьшает налоговую нагрузку на субъекты малого предпринимательства и снижает налоговые риски. В связи с этим, проанализировав научные труды многих авторов, можно отметить противоречие точек зрения исследователей относительно положительного влияния современной политики (в том числе налоговой) на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства. Актуальна проблема низкой инновационной активности малых и средних предприятий, отсутствие ясной государственной политики, непоследовательность правовых мер (введение торгового сбора, увеличение страховых платежей, отмена льготы по налогу на имущество организаций со специальным налоговым режимом, требования проведения специальной оценки условий труда, изменение схем размещения нестационарных торговых объектов в отдельных субъектах. Проблема закрытия малого бизнеса в 2017 и 2018 г. из-за введения контрольно-кассовой техники, поскольку покупка аппарата, а также дальнейшее его обслуживание многим представителям малого бизнеса не по карману. Незначительное увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства за 2016–2017 произошло в результате изменения условий отнесения предпринимателей к субъектам малого и среднего предпринимательства (среднесписочная численность и доходы). Актуальна проблема нестабильности нормативно-правовой базы (частое внесение изменений в законодательство), административных барьеров, несогласованности действий федеральных и региональных властей, а также проблема высоких ставок по кредитам для субъектов малого предпринимательства, но имеются предпосылки снижения ставок в 2018–2019 гг. Актуальна проблема недостаточности объемов финансирования программ различного уровня, бюрократизм и взяточничество чиновников. В результате проведенного анализа нормативно-правовых актов, регулирующих правовое положение субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации по данным на 2018 г. можно отметить, что нормативно-правовое регулирование субъектов малого и среднего предпринимательства представляет собой систему нормативно-правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней, которые регламентируют деятельность данных субъектов. Некоторые из подзаконных нормативных актов, целевых программ и Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» направлены на поддержку малого и среднего предпринимательства. Ряд положительных правовых решений для малого предпринимательства принято в последние годы: это принятое право налоговых и надзорных «каникул», введение Реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, активное внедрение на официальных сайтах Федеральной налоговой службы, ПФР и ФСС, Едином портале государственных услуг раз-

личных онлайн-сервисов, которые предназначены для упрощения многих разрешительных и регистрационных процедур, расчета и уплаты обязательных налогов и сборов. В результате проведенного анализа судебной практики можно выявить следующие проблемы правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства. Первая проблема: суды первой инстанции не проверяют является ли индивидуальный предприниматель субъектом малого и среднего предпринимательства, выносят неправомерные судебные решения о правомерности к указанным субъектам применения административных штрафов, это является нарушением статьи 4.1.1 КоАП РФ, согласно которой субъектами малого и среднего предпринимательства, административное наказание в виде штрафа может быть заменено им на предупреждение. Данную проблему можно избежать при надлежащем выполнении судом первой инстанции качественной подготовки дела к судебному разбирательству на этой стадии арбитражного судопроизводства. Вторая проблема: Не привлекая в качестве исполнителя контракта субъекта малого и среднего предпринимательства, учреждения нарушают Постановление Правительства РФ от 23.12.2016 № 1466 «Об утверждении типовых условий контрактов, предусматривающих привлечение к исполнению контрактов субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций», если в условия об обязанностях поставщика включено требование привлечения к исполнению контракта субподрядчиков, субисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных НКО в объеме не менее 5% от цены контракта. Контролирующие органы при разрешении спорных ситуаций применения Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также Постановление Правительства РФ от 23.12.2016 № 1466 принимают не всегда верные решения. Решением данной проблемы было бы, условие подробного изучения заказчиками при проведении закупок норм о привлечении субъектов малого и среднего предпринимательства и подробное указание в документации по закупке об их привлечении. Третья проблема: неправомерное предоставление государственными органами субсидий и финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, которые занимаются производством и реализацией подакцизных товаров. В соответствии с частью 4 статьи 14 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе предоставление субсидий, не может оказываться субъектам, осуществляющим как производство, так и реализацию подакцизных товаров. Решением данной проблемы было бы, условие подробного изучения представителями органов исполнительной власти Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также установление фактов производства или реализации подакцизных товаров, или, например, проверки лицензий на производство, хранение и поставки произведенного этилового спирта. Четвертая проблема: при отказе в реализации преимущественного права на приобретение спорного арендуемого имущества, находящегося в муниципальной собственности, субъектам малого и среднего предпринимательства уполномоченные органы нарушают Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов», который регулирует оказание государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства при приватизации арендуемых ими объектов недвижимости. Для решения данной проблемы уполномоченному органу необходимо качественно изучать документацию предпринимателя, проводить проверку предпринимателя в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, а субъектам малого и среднего предпринимательства самостоятельно предоставлять доказательства преимущественного права уполномоченным органам. Пятая проблема: органы исполнительной власти, оформляя протокол заседания комиссии по проведению отбора субъектов малого и среднего

предпринимательства на право заключения договора о предоставлении бюджетных средств, неправомерно отказывают в предоставлении субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства. Для решения данной проблемы необходимо в муниципальных подпрограммах развития малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании, а также в порядках предоставления финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства четко регламентировать критерии отбора указанных субъектов, зарегистрированных и осуществляющих деятельность на территории муниципального образования и не имеющих задолженности по налоговым и иным обязательным платежам в бюджеты всех уровней и государственные внебюджетные фонды, в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также определять виды экономической деятельности указанных субъектов, являющиеся приоритетными для муниципального образования. Шестая проблема: некоторые субъекты малого и среднего предпринимательства ошибочно полагают, что если они ранее соответствовали критериям для признания их субъектом малого и среднего предпринимательства, установленным Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», то при изменении одного из критериев они будут продолжать числиться в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Для решения данной проблемы руководителям субъектов малого и среднего предпринимательства необходимо изучать и знать ФЗ № 209-ФЗ, четко отслеживать изменение критериев соответствия предприятия к субъектам малого и среднего предпринимательства, а также понимать, что если доход, полученный от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, превысил установленные действующим законодательством предельные значения, то организация будет исключена из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Седьмая проблема: в рамках долгосрочных целевых региональных программ, направленных на поддержку малого и среднего предпринимательства, осуществляется предоставление субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства на возмещение части затрат по лизинговым платежам и затрат на уплату первого взноса при заключении договора финансовой аренды. В результате конкурсного отбора определяются победители. В некоторых случаях возникает факт несоответствия общества условиям предоставления субсидии на момент обращения с соответствующим заявлением, поскольку субъект малого и среднего предпринимательства имеет задолженность по пеням и налогам. Субсидии подлежат предоставлению при соблюдении требований об отсутствии просроченной задолженности по налоговым и иным обязательным платежам в бюджеты всех уровней. Но в то же время, отказывая в удовлетворении требований департамента, субъекты малого и среднего предпринимательства могут уплатить задолженность по налоговым платежам на следующий день после подачи заявлений о предоставлении субсидий. В таких случаях отказ региональных органов исполнительной власти в предоставлении субсидий будет неправомерным. Для решения данной проблемы субъекты малого и среднего предпринимательства перед подачей документов на предоставление субсидий на возмещение части затрат по лизинговым платежам и затрат на уплату первого взноса при заключении договора финансовой аренды должны проверить, нет ли у них просроченной задолженности по налоговым и иным обязательным платежам в бюджеты всех уровней. Восьмая проблема: органы исполнительной власти не проверяют относится ли субъект предпринимательства к субъектам малого и среднего предпринимательства при определении размера арендной платы по договорам аренды имущества, так как в нормативных актах муниципального образования, направленных на меры имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, арендуемых объекты нежилого фонда, размер арендной платы по договору для субъектов малого и среднего предпринимательства может быть ниже, чем арендная плата для не относящихся к данной категории субъектов предпринимательства. Для решения данной проблемы субъекты малого предпринимательства дол-

жны изучать нормативные акты субъекта, муниципального образования, направленные на меры имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, знать точный максимальный размер арендной платы, установленный данными нормативными актами. А уполномоченные органы должны проверять не является ли субъект предпринимательства в спорный период субъектом малого предпринимательства, так как в таком случае размер арендной платы по договору не должен превышать размера, установленного постановлением государственного органа. Подводя итоги, в правовом положении субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации выявляется достаточно проблем, необходима своевременная разработка и внедрение государственной политики, изменение нормативно-правовой базы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2018).
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 31.12.2017).
3. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 31.12.2017).
4. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 27.11.2017).
5. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 31.12.2017).
6. Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов» (ред. от 01.07.2017).
7. Постановление Правительства РФ от 23.12.2016 № 1466 «Об утверждении типовых условий контрактов, предусматривающих привлечение к исполнению контрактов субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций».
8. Буров В. Ю. Особенности влияния государства на экономическую деятельность субъектов малого предпринимательства в современной России // Вестник-экономист ЗАБГУ. — 2016. — № 12. — С. 1–13.
9. Ершова И. В. Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение: монография. — : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2014. — 457 с.
10. Коноплев С. А. Правовой режим субъектов малого предпринимательства: дис... канд. юрид. наук. / Коноплев Сергей Александрович. — М., 2006. С. 9, 10, 32–34, С. 10–11, 49.
11. Косов В. В. Проблемы в развитии малого и среднего предпринимательства в России [Электронный научный журнал] // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2018. — . № 1 (17). — Режим доступа: http://www.alley-science.ru/aktualnye_voprosy_politiki_i_prava__1_17__2018/.
12. Шишкина А. А. Малый и средний бизнес: проблемы и перспективы развития / // Молодой учёный Международный научный журнал. 2017. № 18 (152) Научный руководитель: Муталиева А. А., к. ю.н., доцент

ПОДДЕРЖКА ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КАК СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Потапова Диана Андреевна

Научный руководитель: Слепцов А. Н., к.ю.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Защита традиционной хозяйственной деятельности является одной из приоритетных задач государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера России (далее-КМНС).

К традиционной хозяйственной деятельности КМНС относится домашнее оленеводство, рыболовство, охотничий промысел, сбор ягод и лекарственных трав, являющихся исторически сложившимся способом обеспечения жизни в экстремально-климатических условиях Арктики [1].

Идея поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в Арктике предполагает положительное влияние на рынок труда, создание новых рабочих мест и соответственно уменьшение расходов из государственного бюджета на выплаты по безработице и поддержку внедрения инновационных методов ведения традиционных видов деятельности.

Продуктивность традиционной хозяйственной деятельности непосредственно связана с товарным производством и предпринимательством, поэтому их государственная поддержка сможет решить проблемы бедности и обеспечения качества жизни населения Арктики, а также может положительно повлиять на устойчивое развитие традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС.

По данным Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутии), из-за отсутствия необходимых знаний в области предпринимательства и бухгалтерского учета нередко субъекты МСП в области традиционной хозяйственной деятельности обречены на банкротство. Поэтому на уровне региона разрабатываются специальные программы по переподготовке и подготовке кадров в Арктике [6].

Причинами низкого темпа развития малого и среднего предпринимательства в сфере традиционного хозяйствования являются транспортная недоступность арктических районов, экстремальные условия климата в Арктике, отсутствие транспортной и социальной инфраструктуры, финансовых и кредитных средств.

Из-за вышеуказанных проблем мясная и рыбная продукция традиционной деятельности КМНС попросту не доходят до потребителя, а если и доходят, то реализуются по крайне низким ценам из-за транспортных расходов на перевозку продукции.

Что сейчас предлагает федеральное законодательство России для решения этого вопроса?

В настоящее время действуют Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [3] и Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], которые регулируют вопросы охотничьего и рыбного промысла. Практическая реализация правовых актов вызывает много вопросов и содержит множество пробелов.

Так, можно констатировать факт отсутствие эффективных механизмов государственной поддержки предприятий малого и среднего предпринимательства, занимающихся традиционной хозяйственной деятельностью в Арктике.

Как обстоят дела в этой сфере деятельности коренных народов в других арктических государствах?

Особенностью в государственной поддержке МСП в Финляндии является объем государственной финансовой помощи в зависимости от местонахождения предприятия: территория страны разделена на три зоны развития: первая- северные территории, вторая- восточные территории, третья- южные территории. Самый высокий объем субсидий предоставляется, как правило, северным территориям-30% от полной стоимости затрат. К примеру, для восточных и южных территорий выделяются 24 и 15 процентов соответственно [4]. Такие специальные субсидии могут решить финансовые проблемы в начале создания пути малых и средних бизнесов традиционного хозяйствования, например, на затраты за транспортные услуги, электро-теплоэнергию, затраты на себестоимость товаров и т. д.

Практика предоставления особых субсидий для КМНС используется и в Канаде, где для начинающих предпринимателей, планирующих заниматься одним из видов традиционного хозяйствования выделяется субсидия в размере от 10 до 50 тысяч долларов. Особенностью государственной поддержки МСП в Канаде является льготное кредитование предприятий в размере от 3-ех до 5-ти процентов, при этом может быть предусмотрена гибкая платежная система и возможность отсрочки платежа [5].

В Швеции для решения финансовых проблем и вопросов транспортной инфраструктуры, для субъектов МСП предусматривается выдача субсидий на покрытие транспортных расходов [7].

В ходе правового анализа были выделены особенности в правовом регулировании и механизме государственной поддержки хозяйственной деятельности малочисленных народов в этих арктических странах, которые можно адаптировать в российское право.

Во-первых, можно увеличить сумму субсидий МСП для коренных малочисленных народов Севера, занимающихся традиционной хозяйственной деятельностью в Арктике.

Во-вторых, необходимо создать льготное кредитование малых и средних предприятий традиционного хозяйствования КМНС в Арктической зоне Российской Федерации.

Целесообразно разработать механизм государственной поддержки в виде государственных закупок сельскохозяйственной продукции субъектов малого и среднего предпринимательства, занимающихся традиционной хозяйственной деятельностью в Арктике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Российская газета. N 90. 1999
2. Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. N 30. Ст. 3735
3. Федеральный закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. N 52. 2004. Ст. 5257
4. Act on Regional Development (1113/1993): <http://www.fao.org/faolex/results/details/ru/c/LEX-FAOC113231/>
5. Canada Small Business Financing Regulations (SOR/99-141): <https://laws.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-99-141/index.html>
6. Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия): <https://arktika.sakha.gov.ru>
7. 50 Best Small Business Investment Opportunities in Sweden: <https://www.profitableventure.com/sweden>

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Роева Елизавета Станиславовна

Научный руководитель: Оглезнева Т. Н, к.и.н, доцент

«Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

В 1995 году в Семейном кодексе впервые было упоминание об искусственном оплодотворении. С тех пор данное правоотношение подлежит развитию, включая в себя различные аспекты медицинского, правового, социального, психиатрического, экономического характера. В мире проживают около 6 млн человек рожденных с помощью суррогатного материнства, свидетельствуют данные Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ).

Суррогатное материнство является одним из способов преодоления бесплодия. Мировая статистика говорит о том, что как минимум 10%, как максимум — 20% жителей Земли могут быть бесплодны. Семья является социальным институтом, где особенно остро стоит вопрос о наличии детей и их количестве. Обращаясь к правовой стороне суррогатного материнства, можно констатировать об отсутствии единого закона, призванного урегулировать правоотношения суррогатного материнства и принципиальной концепции его содержания, что неизбежно создает все условия для злоупотребления правом, а, следовательно, для нарушения баланса прав и законных интересов его участников. В России пока не существует отдельного закона, который бы регулировал суррогатное материнство, а отдельные положения о нем закреплены сразу в нескольких законодательных актах. Отдельно нужно отметить, что в такой ситуации права и законные интересы ребенка, на рождение которого договор направлен, также не могут быть гарантированы или хоть как-то защищены. [1, с. 3].

Правовой статус суррогатной матери и потенциальных родителей порождает множество вопросов и споров среди ученых-правоведов, в связи с чем, исследование их правовых статусов представляется актуальным и своевременным. В частности, дискуссионными являются вопросы о том, каким требованиям должны отвечать потенциальные родители и суррогатная мать для заключения договора суррогатного материнства, а также какой комплекс прав и обязанностей принадлежит суррогатной матери и потенциальным родителям в таком договоре. Необходимо исследовать право суррогатной матери оставить новорожденного ребенка себе, так как от наличия или отсутствия такого права в значительной степени зависит правовое положение потенциальных родителей и судьба будущего ребенка.

Чтобы обезопасить себя от возможных сложностей, родители заключают с роженицей договор, в котором прописаны условия передачи ребенка. По закону женщина, которая вынашивает ребенка, имеет на него приоритетное право. Генетические родители смогут получить младенца только в том случае, если женщина напишет согласие на отказ от ребенка.

Несмотря на то, что кровеносные системы эмбриона и матери не сообщаются и плод не имеет с женщиной связи, некоторые роженицы не хотят отдавать ребенка, уповая на якобы на психологическую привязанность. На практике они не отдают малыша, чтобы вытянуть с заказчиков как можно больше денег.

В похожей ситуации до сих пор оказываются множество россиян. Так, в начале 2015 года жительница Ульяновской области Зинаида Ракова заключила договор с генетическими родителями из Тульской области. После рождения ребенка роженица зарегистрировала ребенка на себя, отказав в этом праве своим заказчикам. По ее словам, она привязалась к малышу, а биологические родители не имеют к нему отношения. В ответ семейная пара обратилась с иском в суд, который после двухлетней тяжбы встал на сторону роженицы.

Масштабность использования метода суррогатного материнства требует особого внимания законодателя. Между тем правовое регулирование суррогатного материнства в России весьма поверхностно, о чем свидетельствует обширная судебная практика.

Термин «суррогатное материнство» трактуется по-разному, при этом основополагающим выступает вынашивание и рождение ребенка для потенциальных родителей. Подобный подход воплощен в п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

В силу п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ потенциальные родители могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери).

Некоторые исследователи согласны с позицией государства, в соответствии с которой суррогатная мать вправе давать согласие на запись родителями ребенка тех лиц, которым она помогает. Остальные считают это нарушением прав генетических родителей. В науке выделяются различные взгляды на указанную проблему.

По мнению А. Я. Ахмедова, в целях укрепления семьи интересы заказчиков подлежат большей защите, чем интересы суррогатной матери [2, с. 4]. Ю. А. Дронова отмечает, в связи с тем, что репродуктивные технологии способствуют преодолению бесплодия, непонятно, почему необходимо защищать интересы суррогатной матери, сознательно решившейся на подобный шаг, притом, что она может родить собственного ребенка естественным путем, а ребенок, рожденный ею, является ей генетически чужим [3, с.112].

Имеются противники суррогатного материнства, считающие его противоестественным и морально недопустимым, даже когда оно осуществляется на некоммерческой основе. [4, с. 164–183]. Это объясняется тем, что оно травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытывать кризис самосознания.

Несовершенство законодательства содействует суррогатным матерям в злоупотреблении своим абсолютным правом на оставление ребенка у себя, на что указывает устоявшаяся судебная практика. Пленумом Верховного суда РФ принято постановление от 16 мая 2017 г. № 16, в соответствии с которым отказ суррогатной матери передать ребенка родителям не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска потенциальных родителей о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. [5] Вероятно, когда-нибудь судебная практика подтолкнет законодателя к внесению изменений в СК РФ.

Важной правовой проблемой считается отсутствие необходимых требований к потенциальным родителям. Учитывая смысл и назначение применения суррогатного материнства, к такому методу прибегают лица, не имеющие возможности по медицинским показаниям иметь детей. [6, с. 4]. Предполагается, что опыт родителя у них отсутствует. В целях формирования психологической готовности принять и воспитать ребенка следует предусмотреть возможность посещения ими школ приемных родителей с учетом сохранения конфиденциальности. Проблема незащищенности прав и законных интересов ребенка связана с отсутствием правовой регламентации указанной сферы.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что впоследствии видится целесообразным внести соответствующие изменения в законодательство. Практика и опыт некоторых стран по своевременному и адекватному законодательному регулированию указанной сферы могут быть восприняты Российской Федерацией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алборов С. В. Договор суррогатного материнства: правовая природа и содержание // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / С. В. Алборов; науч. рук. А. Н. Левушкин. — М., 2018. — 33 с.

2. Ахмедов А. Я. Поименованные и непоименованные договоры, направленные на укрепление семьи // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 4–7.

3. Дронова Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. М., 2007. 112 с.

4. Боннер А. Т. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы // Закон. 2015. № 8. С. 164–183.

5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16. URL: <https://rg.ru/2017/05/24/detiproishozhdok.html> (дата обращения: 01.04.2020).

6. Алборов С. В. Договор суррогатного материнства: правовая природа и содержание // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / С. В. Алборов; науч. рук. А. Н. Левушкин. — М., 2018. — 33 с.4

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Сивцева Диана Константиновна

Научный руководитель: Ушницкая Л. Р., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Российское законодательство не определяет, являются ли органы, ткани, биологические материалы объектами гражданских прав. В настоящее время действует ряд законов: ФЗ «Об основах охраны граждан», Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека», ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов».

С развитием медицины потребность в четком регулировании института донорства неуклонно растет, но российским законодательством до сих пор полностью не урегулирован данный вопрос. Прогресс в сфере трансплантологии и донорства обуславливает необходимость определения правового статуса органов и тканей человека, определения характера отношений, возникающих между донором, реципиентом и медицинским учреждением.

Восполнение данного пробела необходимо для развития как самой трансплантации органов как института, так и для доноров и реципиентов, для закрепления их прав и обязанностей, в том числе и для установления процедуры волеизъявления на пересадку. В связи с этим возникает вопрос о возможности отнесения биологических материалов к объектам гражданского оборота.

Действующее законодательство не определяет правовой статус биологического материала, не дает объяснений насчет характера отношений, связанных с донорством.

ФЗ «Об основах охраны граждан» не содержит никаких положений, которые бы определяли права человека на биоматериал [2], также как и Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [4]. Оба закона лишь указывают на обязательность согласия донора на изъятие органов, что само собой разумеется. Последний также устанавливает презумпцию согласия на посмертное изъятие органов.

Законодательство также не устанавливает вознаграждения за донорство. ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» определено право донора на «возмещение вреда, причиненного его жизни или здоровью в связи с выполнением донорской функции» [3], а не право на вознаграждение. Можно говорить о том, что фактически вознаграждение за донорство крови есть, только в виде «возмещения вреда в связи с выполнением донорской функции».

В настоящее время на рассмотрении находится проект «О донорстве органов человека и их трансплантации» [11]. Данный законопроект детализирует порядок волеизъявления, что существенно облегчит процедуру выражения согласия (несогласия). Проект закона также закрепляет безвозмездность донорства органов, устанавливая недопустимость извлечения выгоды. В связи с этим возникает вопрос: является ли донорство органов и тканей безвозмездной сделкой или к донорству нельзя применять термин «сделка»?

Суды не признают человеческие органы вещами; так, в 2013 году в суд обратилась мать погибшей А., требуя признать операцию по посмертному изъятию органов ее дочери незаконной, взыскать моральный вред с Городской клинической больницы. Истец, руководствуясь статьями 1110, 1111 ГК РФ, утверждала, что является наследницей внутренних органов своей дочери. Суд отказал в удовлетворении требований, так как действующее законодательство не относит человеческие органы и ткани к объектам гражданских прав, а, следовательно, органы наследованию не подлежат [5].

Статья 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относит «вещи, иное имущество, в том числе имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации; нематериальные блага» [1]. Теоретически, органы и ткани человека можно отнести под понятие «вещи» в гражданско-правовом смысле, так как они обладают признаками вещи: органы и ткани являются объектами материального мира (телесность, материальность); имеют определенную ценность (полезность); в определенной степени доступны. Последний признак является наиболее спорным, так как доступность человеческих биоматериалов различна: так, например, волосы можно изъять без вреда для здоровья, кровь также можно изъять, но в ограниченном количестве, а изъятие некоторых органов не представляется возможным без ущерба для здоровья и жизни человека.

По рассматриваемому вопросу существуют, как минимум, две точки зрения: представители первой считают, что отнесение органов и тканей к объектам гражданских прав категорически невозможно; представители второй точки зрения предлагают признать органы, ткани, биоматериалы к вещам, ограниченным в обороте. Так, Лян Э. Э. и Сазанкова О. В. утверждают, что на человеческие органы и ткани нельзя распространять понятие собственности, так как, по их мнению, подобные блага нельзя приобрести как вещь, они «принадлежат» человеку от рождения и «представляют собой неотчуждаемые права» [7,8]. Мы не можем согласиться с данной точкой зрения, так как органы и ткани можно приобрести: например, волосы, хоть и являются человеческим органом (покровной системы), фактически находятся в обороте. Представитель второй подхода, Новикова Н. А. считает, что наиболее «распространенной точкой зрения является, та, согласно которой человеческие органы и ткани, отделенные от организма, являются вещами, ограниченными в обороте» [9]. Данное мнение представляется наиболее подходящим, так как отделенные от тела органы, ткани, биоматериалы подходят под общепризнанное понятие «вещи» в гражданском праве: являются реальными объектами материального мира, представляют собой определенную ценность, способны удовлетворять потребности субъектов гражданских правоотношений. Так, по мнению В. Л. Суховерского, кровь и волосы, отделенные от тела человека, являются вещью, а, значит, могут служить предметом сделок [10]. Следовательно, органы и ткани, которые можно отделить от человека без вреда для него, являются объектами гражданского оборота. Так, купля-продажа волос является довольно распространенной сделкой, никак не ограниченной в обороте.

Пробелы в праве, недостаточность регулирования порождают ошибочные суждения насчет «природы» трансплантации и донорства.

В связи с этим необходимо определить, являются ли другие человеческие органы и ткани вещами? Законодательство запрещает получать какую либо выгоду от донорства и трансплантации. Таким образом, исходя из того, что органы и ткани обладают признаками вещи, можно предположить, что их можно отнести к объектам, ограниченным в обороте и закрепить в ГК РФ, что данные объекты регулируются специальным законодательством. Данные меры облегчат правопонимание, а также поспособствуют дальнейшему развитию законодательства, регулирующего донорство и трансплантацию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон «О донорстве крови и ее компонентов» от 20.07.2012 N 125-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
4. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 N 4180-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2013 N 11-27391/13 // garant.ru
6. Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права // Известия ВУЗов. Правоведение. 2018. № 2 (337).
7. Лян Э. Э., Сазанкова О. В. Анализ правовых проблем использования органов и тканей человека в Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2019. № 20-1 (74).
8. Лян Э. Э., Сазанкова О. В. Основные правовые проблемы использования органов и тканей человека в Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2019. № 20-1 (74).
9. Новикова Н. А. Юридическая природа прав на биологические материалы человеческого организма // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8 (61).
10. Суховерский В. Л. Некоторые особенности и отраслевая принадлежность правоотношений по донорству и трансплантации // Гражданские правоотношения и их структурные особенности, Свердловск, 1975. Вып. 39. С.99-106.
11. Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов // <https://regulation.gov.ru>

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОЗДАННЫЕ ИМ ОБЪЕКТЫ

Федотов Никита Егорович

Научный руководитель: Левочки В. В., к.ю.н., старший преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Искусственный интеллект, прочно вошедший в современную обыденную жизнь, может быть создан на основе принципов работы нейросети, чаще всего бывает, что любая действующая нейронная сеть по своей сути является искусственным интеллектом. Более того, искусственный интеллект описывает саму идею, а нейронная сеть представляет технологию, в результате ИИ образует собой конечный результат. Поэтому чтобы понять объект исследования, необходимо из множества различных определений искусственного интеллекта следует обратиться к следующему. Под искусственным интеллектом понимается «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека» [2]. Причем сама интеллектуальная система способна решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы. Исходя из данного определения, искусственный интеллект направлен на выполнение какой-либо творческой деятельности, которой занимается только человек, причем независимо от человека он способен создавать различные объекты, обладающие некоторой степенью уникальности и ранее никому не принадлежащие.

Известны в истории примеры, когда ИИ самостоятельно создавал различные произведения в области искусства и литературы. Так, в Японии ученые из Университета будущего в Хакода-те сумели разработать робота-писателя, который написал роман, отправленный на соискание престижной Литературной премии имени Хоси Синъити и вышедший впоследствии в финал [8]. Другой пример связан со способностью ИИ сочинять музыку. В августе 2017 г. впервые в мире искусственный интеллект Amper сочинил музыку для альбома «I AM AI» [9], также известны множество примеров, когда ИИ мог писать свои картины, по качеству вполне не уступающие мастерству рисования не имеющим опыта в рисовании человеком. Отсюда вполне резонно встает вопрос по поводу того, может ли искусственный интеллект являться субъектом права и иметь соответствующие авторские права на созданные им объекты.

Согласно п. 1 ст. 1257 ГК РФ «автором произведения науки, в том числе произведения искусства или литературы является гражданин, творческим трудом которого оно создано» [1]. Кроме того, оказание автору только технического, организационного, материального содействия, а также осуществление контроля за выполнением соответствующих работ личным творческим вкладом не признаются.

Исходя из позиции данной нормы можно отметить, сам ИИ не может быть признан автором в силу того, что только физическое лицо может быть признано автором. Но можно ли признать автором разработчика ИИ или владельца, который использует этот искусственный интеллект и дает ему определенные команды для выполнения задания? Применительно к разработчику ИИ можно сказать, что его творческим трудом создан ИИ, но то, что он осуществляет самостоятельно, никак нельзя отнести к творческому труду ни разработчика, ни эксплуатанта в силу того, что в данном случае влияние со стороны человека полностью отсутствует.

В научной литературе с призмы авторского права, в которой содержится возможность вознаграждения и стимулирования создателей интеллектуальной собственности, признается

значимость закрепления прав на произведения искусства за эксплуатантами, которые непосредственно создали их при помощи искусственного интеллекта. Причем сам искусственный интеллект выполнял задачи, посылаемые этим пользователем, отчего его авторство полностью исключается. По мнению В. Н. Синельниковой и О. В. Ревинского, «компьютерные программы или иные инновационные технологии являются лишь инструментом получения новых результатов, права на которые должны принадлежать разработчикам программ и (или) создателям соответствующего оборудования» [5]. Однако это мнение не вполне соответствует реалиям законодательства, так как оно относится только к человеку, использующему систему искусственного интеллекта, но если же сам искусственный интеллект будет создавать подобные произведения, то нужен совершенно иной подход. Более того, искусственный интеллект не имеет перед собой цель использования экономической выгоды от созданных им произведений и не может иметь подобной потребности.

Существует еще один вариант, который не предполагает авторства. Согласно п.2ст. 1282 ГК РФ произведения и изобретения, перешедшие в общественное достояние, свободно используются любым лицом без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты вознаграждения. Поэтому можно предусмотреть вариант, при котором объекты, созданные ИИ, могут перейти в общественное достояние, и авторство в данном случае не определяется. Однако Морхат П. М. отмечает, что «переход работ, создаваемых искусственным интеллектом, в общественное достояние может затормозить развитие инноваций в этой сфере, поскольку не позволит тем компаниям, которые инвестируют в искусственный интеллект, получать от этого соответствующие экономические выгоды» [4]. В результате чего может произойти ситуация, при которой ИИ будет способен создавать изобретения, и всем компаниям, инвестирующим в развитие технологий ИИ, необходимо будет получать лицензии на использование всех запатентованных изобретений ИИ, а это, в свою очередь, приведет к спаду инноваций и нивелирует определенные формы творчества человека, так как многие изобретатели просто не будут заниматься этой деятельностью.

В связи с этим, правовое регулирование в области действия искусственного интеллекта как таковое отсутствует, при этом российское законодательство не содержит каких-либо особенностей правового режима авторства на создаваемые вещи искусственным интеллектом, причем сам искусственный интеллект не обладает долей правосубъективности, из-за чего наделение им авторских прав представляется затруднительным. Однако у него есть ряд особенностей, связанных с возможностью автономного функционирования. Поэтому деятельность, связанная с использованием искусственного интеллекта, нуждается в специальном правовом регулировании.

Во многих зарубежных странах в законодательстве пока что тоже не содержится правового регулирования авторства искусственного интеллекта на созданные им объекты. Например, в Законе об авторском праве на литературные и художественные произведения Швеции отмечается, что авторские права на произведение принадлежат любому, кто создал литературное или художественное произведение, но не указывается, а предполагается, что автором является человек [6].

В Великобритании в ст. 9 Закона 1998 г. «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» «автор» применительно к произведению означает лицо, которое его создает. При этом согласно п. 3 «В случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо, которое принимает меры, необходимые для создания произведения». Соответственно, этим лицом может быть разработчик объекта интеллектуального права, впоследствии занимающийся им [7]. Однако в качестве компьютера здесь имеется в виду обычные программы-алгоритмы, не способные к самообучению. Но искусственный интеллект, как и нейросеть, подвержен созданию более комплексных и детальных объектов, отчего вопрос об его авторстве все еще остается открытым.

Таким образом, можно отметить, что существующая проблема остается актуальной и все еще не найдено оптимальное решение, позволяющее урегулировать данный вопрос в правовой сфере. Возможные предложения и мнения ученых по поводу признания искусственного интеллекта субъектом права в качестве автора на созданные им объекты сводятся к тому, что невозможно наделить его правосубъектностью, в противном случае необходимо будет изменять все гражданское законодательство, основанное на том, что единственный субъект правоотношений — это человек, которому принадлежат гражданские права. Похожей видится ситуация, когда ИИ сможет попасть в категорию интеллектуального права, где критерии творческой деятельности распространятся на ИИ без авторства на созданные им объекты. Более того, В. Витко отмечает, что в том случае, если ИИ будет обладать самостоятельным творчеством, но при этом с отрицанием существования автора на созданные результаты, то это «приведет к расцвету плагиата, поскольку не обязывает указывать автора заимствованного произведения в связи с отсутствием авторства на них» [3].

Одним вариантом решения проблемы является возможность признания автором объектов, созданных совершенным ИИ, таких как нейросеть, разработчика и программиста. Ведь на начальном этапе даже самый продвинутый, способный к самообучению искусственный интеллект необходим в настройке и калибровке, созданию выборки величин для прогнозирования явлений, которые и образуют основу обучения. К числу разработчиков и программистов можно включить саму фирму-производителя ИИ, которые выполняли эти действия в рамках полномочий и заказа. К тому же финансовая составляющая позволяет стимулировать разработчиков ИИ выполнять соответствующие действия по его эксплуатации, благодаря которым ИИ способен обучаться и создавать уникальные по своей природе вещи — результаты интеллектуальной деятельности. Кроме того, можно использовать опыт Великобритании, где на законодательном уровне определено, что в случае простых компьютеров, которые создают произведения, распространяется авторское право на тех, кто непосредственно принимает усилия по их созданию посредством этого компьютера. Это можно рассматривать как первоначальный шаг в изменении законодательства в области ИИ, так как среди них есть и особо развитые представители.

Но, по нашему мнению, компромиссным решением может являться вариант, при котором следует выделить критерии к объектам, создаваемым ИИ, так как многие из них не представляют особой ценности для общества и не могут подпадать под творческое начало, сравнимое с человеком. Ведь для надления защитой в отношении созданных ИИ объектов необходимо, чтобы они имели значимость для человечества, обладали всеми признаками, которые существуют у результатов интеллектуальной деятельности, создаваемые человеком. Стоит ли определять объекты, создаваемые ИИ, в отдельную категорию, смежную объектам авторских и интеллектуальных прав? С этой точки зрения идет уже более иное определение к правосубъектностью ИИ, так как регулируется вопрос не об авторстве ИИ, а о том, подпадают ли им созданные объекты под защиту законодательства об авторских правах. Тем самым упор делается на оценку и исследование объектов, которые будут созданы ИИ, по всем критериям и правилам, что уже впоследствии будет определено, распространяется ли защита на них или нет. Отсюда можно внести соответствующие изменения в законодательство, касающиеся процедуры отнесения создаваемых ИИ объектов к результатам интеллектуальной деятельности, с учетом уровня творческого потенциала, значимости и ценности обществу, полезности и уникальности, и др.

Следовательно, решение указанной проблемы может быть найдено посредством комплексного анализа возможности отнесения созданных ИИ объектов к объектам интеллектуальной собственности, так как не каждый из этих объектов может иметь ценность и обладать необходимыми существенными условиями и критериями. К тому же есть только два подхода к установлению авторства на созданные объекты, более перспективным рассматривается вариант отнесения разработчиков и программистов — тех, кто непосредственно желает через искусственный интеллект осуществлять создание объектов интеллектуального права.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // Правовая система Консультант-Плюс // URL: http://www.СПС КонсультантПлюс/document/cons_doc_LAW_30650/0d23f5984906d7a2a6bb0af67fa46ea221664a80/
2. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.
3. В. Витко. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36999701>
4. Морхат П. В. Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет. Ежегодник. Сер. «Правоведение» Ответственный редактор Е. Г. Афанасьева. Москва, 2018, 65–69 с.
5. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. — М., 2017. — № 4. — С. 26.
6. ACT ON COPYRIGHT IN LITERARY AND ARTISTIC WORKS (Swedish Statute Book, SFS, 1960:729, as amended up to April 1, 2011) // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/se/se124en.pdf>
7. Copyright, Designs and Patents Act 1988 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents>
8. Clark B. While Microsoft's Tay was being racist, an AI entered a writing contest — and nearly won // TNW. URL: <https://thenextweb.com/insider/2016/03/24/while-microsofts-taywas-being-racist-an-ai-entered-a-writing-contest-and-nearly-won/#gref>
9. Galeon D. The World's First Album Composed and Produced by an AI Has Been Unveiled // Сайт futurism.com. URL: <https://futurism.com/the-worlds-first-album-composed-and-produced-by-an-ai-has-been-unveiled/>

NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER M. K. AMMOSOV

Nikita Yegorovich Fedotov

Modern forms of voting of citizens in democratic elections in Russia and Sweden

In today's world, elections in democratic countries are becoming one of the tools for the management of public power by citizens. Year by year, the electoral process is being improved and new and unique ideas are being sought for the development of the electoral system as a whole in order to eliminate many gaps in the legislation. New ways of voting are emerging, and new opportunities are opening up for more convenient and favourable voting in the upcoming elections. But this trend does not extend to all democratic countries: many of them have difficulties in implementing a mechanism or method of voting, which may have different causes. In practice, election statistics show that absenteeism among citizens is increasingly widespread, resulting in a decrease in voter turnout, which greatly diminishes the importance of general elections. In Europe, in countries such as the United Kingdom and Germany,

the voter turnout rate is falling every year, as noted by Sebastian Garmann in his article “in Germany, voter turnout in federal elections fell from 82.2% in 1998–71.1% in 2013” [5]. The same can be said about other democratic states: the USA, Switzerland, Russia etc. Therefore, modern forms of voting are being introduced into electoral systems to increase voter turnout and ensure equality and inclusiveness. However, how exactly should this be implemented and what type or form can be combined with the electoral system — this issue remains topical and unresolved in many countries and in Russia. Hence, ensuring the universality and equality of democratic elections is often at risk.

The main characteristic of modern forms of voting in Russia

Voting by mail

In accordance with paragraph 14 of Article 64 of the FL No. 67-FL the law of the constituent entity of the Russian Federation may provide for the possibility of voting by mail for voters and participants in a referendum [2].

Postal voting was not popular during local government and official elections, as well as during referenda at the regional and local levels. Voting by mail was introduced as an experiment in the laws of the constituent entities of the Russian Federation. Only seven constituent entities of the Russian Federation provide for the possibility of voting by mail, which is why, at the federal level, the legislator does not yet seek to regulate this voting problem.

Zabaikalov A. P. mentions that “Such limitations, on the one hand, facilitate control over the voting process and prevent possible fraud, but on the other hand, result in an insignificant number of voters casting their ballots by mail” [6].

It follows from this that mail voting still remains a very difficult and complicated form of voting, which greatly limits the use of voters by virtue of direct instructions in many laws of the constituent entities of the Russian Federation (e. g., in the Procedure for Organizing Voter Voting by Mail for the Governor of the Sverdlovsk Region on September 7, 2003) This is the reason why there is an ambiguous variant of the prospect of using it in the current form at the elections, not to mention the federal level.

Voting at the voter’s place of residence

According to paragraph 16 of Article 65 of the Federal Law of 12.06.2002 N 67-FL “in the case of elections, a voter who will be away from his or her place of registration on the day of voting may apply to the election commission for inclusion in the voter list at his or her place of residence”.

This is a new form of voting at the voter’s place of residence, which was introduced in June 2017 and quickly gained popularity, as it allows you to apply while abroad on business trip or vacation or working continuously on a rotational basis. For example, approximately 5.7 million people applied to vote at the 2018 presidential elections in the Russia [13]. But according to the statistics of this form of elections of the President of the Russian Federation, a large number of problems were revealed.

Also, as noted by Mizelifova E. A., the new procedure of voting at the place of residence may provoke double voting in case when a citizen applies for voting at the place of residence through the MFC or Public Services to another commission and, accordingly, votes there. After that, coming to the polling station where he or she is registered, he or she can be included in the additional registration list in his or her passport and vote a second time. However, there is a possibility that the election commission may not be able to trace where a citizen could have been included in the voter list because he or she was not originally on the voter list at the place of registration [8]. This fact violates the principle of equal suffrage enshrined in article 25 (b) of the International Covenant on Civil and Political Rights [1].

Despite the fact that this form of voting proved to be very popular and convenient in practice as compared to the 2012 presidential elections the turnout of voters has increased (voter turnout was more than 67% and 65.34% was in the 2012 elections) [10] but were identified a great number of gaps in the legal regulation and problems related to both technical and legal difficulties.

Voting outside polling stations

Due to the appearance of voting by place of residence there is a decrease in the level of voting outside the voting stations (home voting) compared to the presidential elections in 2012 — from 8.2% to 6.6% [11].

Such voting at home by means of a mobile box has advantages. However, it can only take place on election day. Also, on this day, election commissions will not be able to physically visit all voters who have applied due to their workload.

Early voting

Article 65 of the FL No. 67-FL provides for two types of early voting: early voting in hard-to-reach or remote areas, on the ships that will be on the day of voting in the voyage, at the polar stations and early voting by voters who are unable to vote on election day for a valid reason (vacation, business trip, work and study schedule, performance of state and public duties, health condition and other valid reasons).

Early voting, which has undergone many changes, still does not appear to be an ideal voting option, although it can be also one opportunity of early voting for the indigenous peoples of Russia and for voters with valid reasons, but existing problems in the legal regulation of this form of voting still remain unresolved. For hard-to-reach areas, the institution of early voting in one or more polling stations for the indigenous peoples of the North should be preserved and further developed, as this form of voting is the only way for them to exercise their active right to vote.

The main characteristic of modern forms of voting in Sweden

Postal voting

According to section 11 Chapter 7 of the Elections Act of Sweden “Voters who are staying abroad or onboard a vessel in foreign traffic may vote by letter” [3].

A voter must fill in the ballot in the presence of two witnesses of 18 years of age and seal the envelope on which they indicate their names, personal identification numbers or corresponding identification data.

The postal ballot during the formation of the Swedish electoral system is one of the first and quite productive in several Swedish parliamentary elections, almost the majority of the population of Sweden used this form of voting, which makes it possible to say that the legislator provided for all the particularities of voting, taking into account all possible shortcomings and difficulties

Voting via a mobile voting clerk

With accordance to the Elections Act of Sweden voters who, owing to illness, impairment or old age, cannot personally make their way to a vote reception point may, upon request can use voting via a mobile voting clerk.

This type of voting is very similar to voting in special polling places in Sweden, but it is conducted as an early voting option and is quite feasible if it is possible to vote at home and if there is no possibility to vote through a postman or messenger, and as the election results have shown it is the least popular form of voting.

Voting at special polling places

Voting in polling places is carried out in places include hospitals, nursing homes, correctional facilities and other social welfare institutions, and are intended for voters who cannot go to their polling station for any reason. Local election commissions in each commune determine, at each election, where such places will be located.

Acceptance of votes begins not earlier than 18 days before the voting day at the next elections and not earlier than 10 days before the early elections and ends on the voting day.

This form of voting exists in almost all democratic states and provides for the possibility of visiting the home or designated places of the election commission. In Sweden, this form of voting is often used in hospitals and in places where electoral offenders serve their sentences, as shown by the results of the Swedish parliamentary elections

Voting by messenger and postman

Voters in the Swedish Electoral Act in this type of voting are those citizens who are ill or have physical disabilities, who are in foreign country or who are unable to go to the polling station on their own due to their age and citizens who are served by Swedish Postal Service postmen and those who are in prison or in correctional institutions and cannot go to the polling station for security reasons may also vote through the postman.

Voting for Swedish voters abroad is possible no earlier than 20 days before the election date, and in other elections (repeat, extraordinary) voting is possible no earlier than 10 days before the election date.

As a messenger can be a voter's spouse or cohabitee and the voter's, spouse's or cohabitee's children, grandchildren, parents or siblings; those who provide the voter with care in a professional or similar capacity, or who otherwise normally help the voter in their personal affairs; rural postmen employed by Posten AB; employees at a remand centre or a penal institution.

The voter leaves the vote and puts the ballot in the presence of one witness and a messenger in the envelope. This envelope is then placed in the outer envelope and sealed. He indicates himself and personal identification number on it and then signs the inscription that all the actions were performed correctly and not earlier than the established term, the same applies to citizens who vote through the postman. On the outer envelope, the witness and messenger shall do like the voter. The messenger should then check the voter's voting card confirming the right to vote, then confirm that all procedures for voting are followed. The messenger shall take the outer envelope to the polling station where the voter is registered and where the messenger's passport and the voter identification card of the voter trustee are not required, or shall take it to the post office or to the Swedish diplomatic mission abroad, for which the messenger's passport and the voter identification card are already required.

Differences and similarities in the legal regulation of voting forms in Russia and Sweden

Postal voting and Voting by mail

Voting by mail in Russia and postal voting in Sweden assumes the same content and order. However, it is worth noting the main difference — in Sweden, the citizens who can use it are voters abroad and seafarers on board. In Russia, however, this form of voting is not available to all voters. If the voter can vote otherwise, for example, by early voting or outside the voting room, it is no longer possible to vote by mail and else voting by mail contains a more complex voting procedure.

Votes of voters sent with envelopes by mail should be received in Russia by the relevant commission no later than the day of voting, when, as in Sweden no later than noon on the day following the day of voting.

A significant difference is the procedure for filling out the ballot: in Sweden with a witness. In Russia, a voter may fill out the ballot without witnesses or other persons and place a sealed blank envelope in an envelope marked "Voting by mail". Thus, the difficulty and difference lies in the fact that when submitting an application using the postal service in Russia for those who are unable to come to the post office, you can transfer to another person on the basis of a power of attorney issued by a voter and notarized which is not the case in Sweden. In addition, in Russia, this type of voting cannot be applied at the federal level, but only at the level of the subjects of the Russian Federation in regional and municipal elections, and in Sweden it is one of the alternative types of voting at the level of parliamentary elections.

A similarity may be the submission of an application stating the voter's initials, address and all necessary personal fields, indicating the reason for the impossibility of voting in person on election day, but the reason stated in the application must be confirmed by the relevant documents in Russia, otherwise the election commission may not send a ballot paper.

The main similarity in this type of voting is the possibility of changing the previously cast vote. In Sweden Voters who voted early by mail and wish to change their decision can vote again at their polling station on election day (secondary voting — *ångerröstning*). The voter's last vote cast in the

standard procedure at the polling station is considered. All ballots sent by mail are counted only after all polling stations are closed, checked against the voter lists in advance for the possibility of secondary voting, and if this fact is found, the envelope with the ballot paper sent by mail is not counted and is postponed. The same is true in Russia, if on the day of voting a voter arrives in the voting room of the respective polling station, the polling station commission is obliged to give him/her a ballot. In this case, a ballot paper previously sent to a voter for voting by mail shall not be considered, and the relevant election commission shall draw up an act.

Voting via a mobile voting clerk and Voting outside polling stations

In Sweden, as in Russia, there are mobile election commissions that travel to certain categories of voters who cannot vote in polling stations during election day. In Sweden voters who, owing to illness, impairment or old age, cannot personally make their way to a vote reception point may, upon request can use voting via a mobile voting clerk.

In Russia according to Article 66 of the Federal Law of 12.06.2002 N 67-FL voters who are unable to travel to the polling station on their own due to health reasons, or who are unable to travel to the polling station with a disability, may vote outside the polling station. Also, the difference is this form of voting can be used by citizens who are subject to administrative penalties, which excludes the possibility of visiting the voting station.

A similarity can be the procedure of voting and giving application. Voting outside the voting room and voting via a mobile clerk shall be held only on the day of voting and only since a written application or oral request of a voter to give the opportunity to vote outside the voting station. However, if an appeal is received orally, it must be confirmed in writing, indicating the reason why it does not allow the voter to come to the polling station on election day. The application must state the reason why the voter is unable to come to the voting room.

Voting at special polling places and Early voting

There is an early voting in Sweden sounds like voting at special polling places and there are two types of early voting in Russia and it can be similar in the form of voting.

And the main difference in such places can relate to the territory and a closed list of reasons why a voter may use early voting.

And the difference may be in the timing of the vote. Early voting takes place within a few days, but not earlier than 20 days prior to election day, for those voters who will be located in places far from the voting premises that are not easily accessible or difficult to reach and where it is therefore not possible to conduct early voting in the polling station as a whole and not earlier than 15 days before election day for voters residing outside the territory of the Russian Federation. In Sweden it's on 2 days earlier and 5 days as well.

The similarity is in the procedure of early voting in these forms of voting. In Sweden voters must present a passport or identification number when voting early in such polling places. The envelope where the voter inserts his or her ballot is sent to the election commission of the municipality in the list of voters. And in Russia voters vote early before the day of voting filling out a ballot paper with passport like on usual voting in the premises of the election commission, which is then sealed in the presence of two members of the election commission with the casting vote.

Voting by messenger and postman and Voting at the voter's place of residence

There is no such voting as voting by messenger and postman under Swedish law in Russia like there is no such voting at the voter's place of residence in Sweden, but it is possible to identify comparative features between them because these forms are unique in their own way and have no analogues in many European countries. Moreover, in Russia it is a new form of voting, which was introduced in June 2017 and quickly gained popularity. And there are more differences than similarities.

The first difference is a category of voters that strongly stand out strongly and even in context cannot have similar features. In Sweden, the category of voters is almost the same as in the voting in polling places and voting via a mobile clerk. In Russia, voters using this form of voting are

mainly those who go on business trips or vacations, those who work on a rotational basis without interruption and study away from home.

Voting by messenger and postman in Sweden is often early and may take place in regular elections at least 24 days before the date of the election. In Russia it starts not earlier than 45 days prior to the voting day and ends at 2 p. m. local time on the day preceding the day of voting.

In Russia the application can be submitted by the voter personally upon presentation of the passport to any territorial election commission to any precinct election commission or the application can be submitted using the federal state information system “Single portal of state and municipal services (functions)” and through the multifunctional center for provision of state and municipal services.

However, Sweden does not provide for electronic filing of an application via the website and, moreover, voting by messenger or postman is like postal voting, but more complicated with special requirements when filling out a power of attorney and a certain category of messengers, as well as with the peculiarities of submitting an application on behalf of the messenger to various places and from the postman.

In Russia, however, voting at the voter’s place of residence is valid only on election day and according to the usual procedure in the election commission, not in the one where it is registered, but in any other place in the country.

Conclusion

In Sweden given the established trust in democratic institutions and respect for the authorities and the simultaneous selection of Parliament and local and regional authorities, the turnout in Sweden was 87.18% in one period in the 2018 parliamentary elections. This is the highest turnout in decades, but Sweden’s turnout has never been below 80% since the 1950s, and in the 1970s it regularly exceeded 90% after changing the voting age from 20 to 18 years [9] Swedish citizens and immigrants use all forms of voting unlike Russia, which means that many of them are effectively implemented in practice and regulated by the legislator.

It can be said that voting by mail in Russia lags far behind the same postal voting in Sweden and does not even apply to federal elections and has complicated procedures and difficulties. In order to attract the attention of citizens to this form of voting, significant changes should be made to the legislation. For example, the notarization of a power of attorney should be removed if an envelope with a ballot paper is delivered to the post office. The Swedish law provides for voting through the postman, who may not be present when the envelope is sealed by a voter using the power of attorney, the envelope must be delivered in person with a postman’s service number and an inscription of the voter on the envelope.

In general, voting with a messenger is quite common in European countries and Sweden is no exception. The voting procedure is quite simple and at the same time transparent from various types of abuse and violation of electoral rights. Lubis, M., Kartiwi, M., & Zulhuda, S. confirm that “Sweden is generally considered a good democratic example in terms of having well-informed, interested citizens and a high degree of public participation in elections, which at over thirty percent use postal votes’ [7]. Therefore, I believe that this proxy voting procedure can be used in early voting in the Russian Federation for those voters who, for good reason, will not be able to vote in the polling station. They will not have to come to the polling station at all, even ahead of schedule, which will save time, and the secrecy of the vote and bribery can be ensured and suppressed by voting in the presence of a witness and a messenger, as in Sweden. A proxy will consist of the voter’s family and friends, or someone who assists the voter in a professional or similar position or otherwise assists the voter in his or her personal affairs, which is very convenient and possible in accordance with the procedure for handing over the completed ballot paper in an envelope and allow not coming to the polling station personally in this way.

If we are talking about early voting in Russia in inaccessible and remote areas, it is necessary to make a lot of efforts both in material and technical terms for the conduct of the elections. The category of inaccessible or remote areas includes places where voters reside permanently and

temporarily depending on the type of activity. As a rule, indigenous peoples of the North of the Russian Federation live in such areas to a greater extent. Extreme climatic conditions are factors that affect the traditionally low voter turnout in remote areas of northern Russia. Among the difficulties encountered, the main problem is the dispersal of some indigenous peoples' residence and migration. The mismatch between the places of migration of indigenous peoples and the boundaries of municipal entities, and the territory of the municipal entity may be quite stretched. In addition, the level of electoral awareness, the passivity of indigenous voters as a result of low levels of legal awareness, as well as the level of welfare, are very common.

I believe that in order to address the problem of low voter turnout among the indigenous peoples of the North of Russia, it is necessary to raise the level of self-identity of the people, which is one of the criteria for a high voter turnout of the Saami people in Sweden. The study by Bergh, J., Dahlberg, S., Mörkenstam, U., & Saglie, J. states that "those who are fluent speakers of any of the Sámi languages, who grew up in a Sámi community and whose friends are mostly registered voters have high rates of turnout" Moreover, the social and economic situation of the Saami people in Sweden does not play a role in the voter turnout as there is no "any significant effect of the socioeconomic background variables in the Swedish case" [4]

So, the drawback of my research paper is the lack of decisions and cases of various courts and else the practice of voting in elections in Sweden for analysis the possible problems in the form of voting. The best form of voting in my opinion is postal voting in Sweden and voting by postman and messenger that can be used for developing the voting at the voter's place of residence and resolve so many problems in there.

Thus, it can be summed up that many forms of voting in Russia and Sweden have both differences and similarities. High voter turnout in Sweden implies interest in elections among citizens, hence the popularity of using all forms of voting, especially by mail, while in Russia is only early voting and voting at the voter's place of residence. Therefore, voter turnout, although increased as a result of the new form of voting, still does not resemble the Swedish turnout. Many forms of voting in Russia contain similar provisions in the content forms of voting in Sweden, such as secondary voting at polling stations after mail voting.

SOURCES

1. International Covenant on Civil and Political Rights. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx>
2. Federal Law of 12.06.2002 N 67-FL (ed. of 29.05.2019) "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/856d6ff1c0e771f2bf66458bbd312b6fb7639585/
3. The Elections Act (2005:837) including amendments SFS 2008:1276, SFS 2010:1327, SFS 2010:1416, SFS 2010:1434, SFS 2013:1159, SFS 2014:301, and SFS 2014:1384. — URL: <https://www.government.se/government-policy/democracy-and-human-rights/the-elections-act-2005837/>
4. Bergh, J., Dahlberg, S., Mörkenstam, U., & Saglie, J. (2018). Participation in Indigenous Democracy: Voter Turnout in Sámi Parliamentary Elections in Norway and Sweden. *Scandinavian Political Studies*, 41 (4), 263–287. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12129>
5. Garmann, S. (2017). The effect of a reduction in the opening hours of polling stations on turnout. *Public Choice*, 171 (1–2), 99–117. URL: <https://doi.org/10.1007/s11127-016-0399-3>
6. Zabaikalov A. P. Voting procedures in the electoral process: the current state and prospects of development: monograph. — Voronezh: Science-UNIPRESS, 2016. — 248 c.
7. Lubis, M., Kartiwi, M., & Zulhuda, S. (2018). Current State of Personal Data Protection in Electronic Voting: Criteria and Indicator for Effective Implementation. *TELKOMNIKA*, 16 (1), 290–301. <https://doi.org/10.12928/TELKOMNIKA.v16i1.7718>

8. Mizelifova Elvira Abrudinovna. 2019. To the question about the new voting procedure at the location of the voter. State and law theory 1, 115–119 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39172076>
9. Election results 2018 — URL: <https://www.val.se/servicelankar/other-languages/english-engelska/election-results-2018.html>.
10. Results of the election of the President of the Russian Federation — URL: <http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/>
11. Site “Voice” URL: <https://www.golosinfo.org/ru/articles/142556>

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Шамаев Арсентий Владиславович

Научный руководитель: Маякунов А. Э. к.ф.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Одним из самых важных и основных прав человека является право на образование, которое закреплено в фундаментальных международно-правовых актах и на конституционном уровне Российской Федерации. Свое отражение оно нашло в таких основополагающих актах международного характера, как: Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Конвенция о правах ребенка от 1989 года, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 1960 года. Позже в 1993 году данное право было закреплено и нашло свое отражение в Конституции Российской Федерации. И в соответствии с частью 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации каждому гарантировано право на образование, которое является и относится к неотчуждаемым правам человека, принадлежащим каждому человеку с момента рождения.

Однако следует отметить факт того, что в действующем законодательстве нет закрепления понятия «право на образование». Данный факт обуславливает отсутствие единства мнений в отечественной юридической науке по поводу определения данного понятия, а также ее структурной содержащей. На протяжении нескольких лет не утихают дискуссии касаясь этих вопросов и в данной работе хотелось бы обратить внимание на мнения видных отечественных ученых в данной области, которые рассматривают право на образование через призму различных отраслей законодательства и иных критерий.

Заслуживает внимания точка зрения исследователя А. Ф. Ноздрачева, который считает, что право на образование — это «право человека на получение определенной суммы знаний, культурных навыков, профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизнедеятельности в условиях современного общества» [6]. Приведенная позиция является бесспорно верной, но не раскрывающей ее структурные элементы более подробным образом.

Так же, справедливо отмечает В. И. Шкатулла, который трактует право на образование как «основное и естественное право, имеющее своей целью удовлетворение потребностей человека в информации и непосредственно в самом образовании» [9].

По нашему мнению более правильным определением, который бы раскрывал рассматриваемое понятие со всех аспектов является позиция Т. В. Грачевой, которая считает, что право на образование следует относить по своей юридической природе к неотчуждаемым, субъективным правам человека, то есть данное право — это правовая возможность владеть и использовать различные знания, профессиональные навыки и умения для повышения своего интеллектуального, культурного и духовного уровня своих личных целях и в интересах всего социума, которая закреплена как в национальном законодательстве государства на конституционном уровне, так и в основополагающих международных нормативно правовых актах, имеющих фундаментальное значение для существования основных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Несомненно интересной позицией является мнение Т. В. Жуковой, которая рассматривает данный термин через призму гражданского права относя его в категорию неимущественных прав, выделяя систему принципов на котором оно и образовывается, это: «принцип равенства, автономии воли и имущественной автономности субъектов». Но к сожалению приведенная трактовка не отражает сущностной структуры и содержания изучаемого понятия.

Некоторыми учеными разделяются мнения касаясь того, что структурное содержание данного права состоит из определенных «полномочий», которые закреплены в основном законе страны. Так, например, В. И. Шкатулла к данной категории «полномочий» относит различные существующие уровни образования. При этом автор акцентирует внимание на том, что данное право получает свои истоки из конституциональных положений и именно из них переходит в другие, обвивающие их, отрасли и институты права. Проведя анализ действующего законодательства, регулирующего участок правоотношений в сфере образования, В. И. Шкатулла, выделяет вышеупомянутые элементы права, которые и образуют само содержание данного понятия.

Другую позицию касаясь структурного содержания представляется И. В. Сухаревой, которая считает, что содержание находится в прямой зависимости от категорий образования и выделяет следующие составляющие: «право на среднее образование; право на среднее профессиональное образование; право на высшее профессиональное образование; право на послевузовское образование» [7]. Ею акцентируется внимание на то, что все составляющие части содержания права на образование обусловлены индивидуальной внутренней структурной организацией, приводя в пример факт того, что право на среднее образование характеризуется менее сложным содержанием и организацией, нежели право на высшее образование.

По нашему мнению, наиболее верным и не лишенным формальной логики определением структурного содержания рассматриваемого права является то, где составляющими элементами являются, закреплённые в международном и национальном законодательстве «правомочия», то есть возможности человека, гарантированные международным и национальным сообществом, это: право на образование каждого, право на получение различных уровней образования, правовая обязанность получения определенного уровня образования (основного общего), право на получение образования в различных формах обучения (заочная, очная, очно-заочная), свобода выбора, свобода осуществления педагогической деятельности и преимущественное право законных представителей касаясь выбора вида образования для своих несовершеннолетних детей.

Представляется, что перечисленные элементные составляющие содержание права на образование раскрываются и отражают весь спектр существующих и сложившихся общественных и правовых отношений на изучаемом участке деятельности и позволяют более подробным образом раскрыть и определить само понятие «право на образование».

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что право на образование является одним из основополагающих и важнейших для обеспечения успешной и достойной жизнедеятельности любого человека, которое является неотчуждаемым с момента рождения. По своему ха-

рактору являющимся субъективным для каждой личности, представляющую собой комплекс возможностей и обязанностей, право на образование предполагает собой владение и возможность использования данного права для получения определенных знаний, умений и навыков в целях обеспечения необходимых условий для жизнедеятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.12.2019)

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Официальный сайт URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 24.12.2019)

3. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.: в ред. Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // Рос. газета. 1993. 25 дек.; 2014. 7 февр.

4. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.

5. Грачева Т. В. Реализация конституционного права человека и гражданина Российской Федерации на образование: на примере города Москвы: Автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 2007. — 32 с.

6. Матюшева Т. Н. Право на образование — конституционно защищаемая духовная ценность // Законность.. — 2010. — № 12. — С. 23–35.

7. Сухарева И. В. К вопросу о содержании конституционного права на образование // Законность. — 2009. — № 7. — С. 7–18.

8. Жукова Т. В. О праве на образование как о личном неимущественном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 4. — С. 42–47.

9. Шкатулла В. И. Право на образование // Государство и право. — 1997. — № 7. — С. 10–17.

10. Шкатулла В. И. Образовательное право. — М.: Изд-во НОРМА, 2001. — 782 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Васильева А. М.</i> Сущность медиативного соглашения	3
<i>Винокурова Я. С., Уварова О. Ю.</i> Роль экологического правосознания в обеспечении экологических прав граждан	6
<i>Габышева Т. Р.</i> Позитивная юридическая ответственность в сфере отношений, возникающих в процессе формирования коллегии присяжных заседателей	8
<i>Григорьева Т. Г.</i> Правовая характеристика договора управления многоквартирным домом с учетом последних изменений в законодательстве	10
<i>Катанева Е. А.</i> Учет добросовестности лиц в споре о восстановлении права участия в коммерческой корпорации	15
<i>Кузьмин И. П.</i> Факторы, детерминирующие преступность несовершеннолетних	18
<i>Куприянов К. Е.</i> К вопросу о понятии самозанятых граждан	21
<i>Куприянов К. Е.</i> К вопросу правовой регламентации оснований изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд	23
<i>Куприянов К. Е.</i> Обеспечение права коренных малочисленных народов на землепользование	28
<i>Куприянов К. Е.</i> Муниципальный фильтр как угроза демократическим выборам	30
<i>Куприянов К. Е.</i> Проблема развития бюджетного федерализма в современной России	32
<i>Куприянов К. Е.</i> Источники правового регулирования франчайзинга	34
<i>Куприянов К. Е.</i> К вопросу о декриминализации побоев	36
<i>Максимова Л. Н.</i> Криминологический анализ имущественных преступлений, совершаемых несовершеннолетними на территории Республики Саха (Якутия)	38
<i>Максимова Л. Н.</i> Юридическое прогнозирование	42
<i>Максимова Л. Н.</i> Правовой статус несовершеннолетнего в России и в США: теоретико-правовой, сравнительный анализ	46
<i>Николаев А. А.</i> Наследование цифровых прав	50
<i>Нифонтов Ю. Ю.</i> Проблемы возмещение морального вреда в Российской Федерации	52
<i>Петрова Т. Г.</i> Права ребенка по Закону Димы Яковлева	53

<i>Попова Х. В., Хадарова Ю. И.</i> Проблемы правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства.....	55
<i>Потапова Д. А.</i> Поддержка традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера как субъектов малого и среднего предпринимательства ...	62
<i>Роева Е. С.</i> Суррогатное материнство в Российской Федерации	64
<i>Сивцева Д. К.</i> Органы и ткани человека как объекты гражданских прав	66
<i>Федотов Н. Е.</i> К вопросу об авторских правах искусственного интеллекта на созданные им объекты	69
<i>Nikita Y. F.</i> North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov	72
<i>Шамаев А. В.</i> Конституционное право на образование в Российской Федерации: понятие и содержание.....	79

Электронное научное издание

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СТУДЕНТОВ И МАГИСТРАНТОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 20-ЛЕТИЮ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. К. АММОСОВА**

Составитель: Ефимова Мария Прометеевна

Выпускающий редактор Е. И. Осянина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Подписано к использованию 06.11.2020. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 9,7. Заказ 1149.

Издательство «Бук». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

БУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
www.bukbook.ru

ISBN 978-5-00118-620-5

9 785001 186205